

Расколдуйте это немедленно!

Автор:

Анна Зимняя

Расколдуйте это немедленно!

Кристина Зимняя

Анна Сергеевна Гаврилова

Академия Магии

Если у парня, который строит тебе глазки, имеется ревнивая поклонница, жди беды. Смертельный полет с безумной высоты, в финале которого... нет, не темнота, а магическая дуэль, заклинание, угодившее прямиком в тебя, и превращение... В принцессу? Как бы не так! В неизвестное науке чудище!

Но есть и хорошая новость – это временно! Надо продержаться неделю, а потом появится тот, кто точно расколдует и вернет домой. Остается лишь понять, как выжить, если на тебя начали охоту маги-недоучки, они же студенты Магического университета, а в помощниках лишь скромный призрак и верная гитара. Впрочем, это не так уж мало. К тому же кто сказал, что гитара – не ударный инструмент?

Анна Гаврилова, Кристина Зимняя

Расколдуйте это немедленно!

Иногда последняя песня становится первой...

Глава 1

Город внизу радовал глаз россыпью огней, но полюбоваться этим дивным зрелищем решила только я. Ребята жарили сосиски на костре, который развели прямо посреди крыши, и болтали, приправляя рассказы «как я провел лето» шутками и смехом. Я же, устроившись на парапете с гитарой на коленях, крутила в руках неоткрытую банку с давно нагретым пивом и смотрела вдаль.

Группу свою я любила – таких безалаберных разгильдяев специально искать станешь и не найдёшь, – но единственное исключение в лице нашей первой красавицы Илоны Боровицкой изрядно подпортило удовольствие от общения. Ну вот сколько можно объяснять, что не нужен мне её любимый Дэн Роков? А этот балбес ещё и подначивает всё время – и не поймёшь: то ли и вправду клинья подбивает, то ли Илонку раззадоривает. Вот и сегодня зачем-то начал мою новую стрижку нахваливать, а у Боровицкой от этих комплиментов чуть пар из ушей не пошёл.

– Машенька, что же ты от коллектива отрываешься? – промурлыкал возле уха неслышно подкравшийся предмет моих невесёлых размышлений и попытался обнять.

– Денис, отвянь по-хорошему, – передёрнув плечами, чтобы сбросить его руки, отрезала я.

– Мышь, ну не куксись, – уже нормальным голосом продолжил парень. – Пойдём! Как-никак начало третьего курса обмываем, а ты отлыниваешь! Обижусь – сама в деканат за хвостовками ходить будешь, – пригрозил Дэн, к несчастью, являвшийся у нас главным разгильдяем – то есть старостой.

– Уговорил, шантажист недоделанный, – буркнула я. – Минут пять ещё посижу и приду.

– Жду, Мышенька, – «обрадовал» Денис, взъерошив пятернёй мои без того растрепанные волосы и сбив при этом на нос примостившиеся на макушке

темные очки.

Сквозь чёрные стёкла ночной город разглядывать было совсем не интересно, но едва я потянулась, чтобы вернуть аксессуар на прежнее место, как за ухом прошипели: «Я предупреждала!» – и сильный толчок в спину отправил меня навстречу ветру.

* * *

Кажется, я даже не заорала. В голове стремительно завертелись картинки из недалёкого будущего. И особенно ярко представлялись почему-то не рыдающие на кладбище родители, не сестра Катька, перетаскивающая свое барахло в мою комнату, а нервный тик полицейских, обнаруживших моё тело, и заголовки в новостных лентах. Не каждый же день с крыши недостроя спрыгивают студентки в обнимку с гитарой и банкой пива. С фланелевой рубашкой в клетку, кружевными трусами и молотком в рюкзаке, да ещё и в тёмных очках – последние, очевидно, чтобы не так страшно лететь было.

Я истерично хихикнула. Нелепо! Нелепо вот так вот закончить жизнь в неполные двадцать. Не хочу! Я ещё столько всего не успела. Институт не закончила, замуж не вышла. Песню свою лучшую не написала.

И Филька! Они же Фильку голодом заморят!

Мысль о несчастной доле полосатого чудовища была последней перед тем, как темнота вокруг взорвалась ослепляющим светом.

– Эннэ крау кори шас! – Голос был красивый – звонкий и в то же время глубокий. Незнакомые слова звучали веско, уверенно. Наша литераторша за такое «с выражением» исполнение точно бы высший балл поставила, а что непонятно ничего – так мало ли на каком там наречии ангелы с душами общаются.

Я была совершенно уверена, что угодила прямиком в рай – ну не могли же меня после такой глупой и преждевременной смерти в ад отправить! Должна же быть в мире справедливость, правда?

Ответ на этот животрепещущий вопрос пришёл внезапно и болезненно. Путём столкновения моего тела с чем-то твердым. Слепящий свет сменился чередой разноцветных вспышек, пиво, не выдержав длительной встряски, вырвалось из-под слетевшего язычка и окатило меня пеной.

– О, Плющ ползучий, что это?! – Красивый голос с переходом на русский несколько утратил свою завораживающую привлекательность, зазвенев истеричными нотками.

Проморгавшись, я уставилась на вытянутое от изумления лицо незнакомого парня гламурной наружности. Выпученные глаза цвета первой весенней зелени, длинные золотистые волосы, жёлтая туника и, главное, характерные заострённые уши данного индивида просто кричали – нету во вселенной справедливости! Потому что вместо заслуженного рая мне явно достались кома и бред!

За моей спиной раздался стон, и я забарахталась, намереваясь встать. Стукнулась локтём, с трудом села и попыталась перекинуть за спину гитару, благо ремень, на котором она висела, позволял проделать подобный фокус. Гулкий звук от соприкосновения любимой «балалайки» с чем-то явно не мягким заставил похолодеть от ужаса – только бы не поцарапалась! Сзади кто-то взвыл. Кое-как сообразив, где руки-ноги и как они должны работать, я всё же умудрилась подняться и оглянулась. Ёлки, лучше бы я этого не делала!

На мелких, похожих на гальку камешках в весьма неудобной на вид позе валялось ещё одно порождение коматозного бреда. Оценить смазливость физиономии онога мешали вздувающаяся на лбу шишка, кровавый ручеек, сбегаящий вдоль брови, и подбитый глаз. Но характерные уши были на месте и даже, кажется, зловеще шевелились. Или это мне померещилось с перепугу?

Правая рука индивида была неестественно вывернута и, похоже, попросту сломана. Зато в левой нарастал угрожающего вида шарик из серо-синих светящихся полупрозрачных ниток.

– Мама! – почти беззвучно прошептала я.

Но покалеченный услышал и растерялся. Всего на миг, но собраться с мыслями и метнуть в меня серо-синее нечто уже не успел – на его и без того отбитую

голову со смачным шмяком приземлился мой несколько задержавшийся в полете рюкзак. Шарик скатился с ослабевшей ладони и лужицей расплавленного металла растёкся по камням, а через миг и вовсе исчез.

Я осторожно тронула ногой поверженного противника и, убедившись, что признаков жизни он не подает, подхватила свой «багаж» и рванула прочь что было сил.

– Куда? – закричал мне в спину ушастик в жёлтом.

Да если бы я знала, куда! Главное, подальше от места аварии, пока не обвинили во всех смертных грехах и страховку не затребовали.

– Стой! – гремело мне вслед.

Ещё чего! Ищите другую дуру!

Присыпанная галькой тропинка, по которой я неслась, неожиданно оборвалась – в самом буквальном смысле. Я попыталась затормозить, но не сумела и, споткнувшись напоследок о какую-то корягу и оставив под ней свою кроссовку, кубарем покатила вниз.

Хана гитаре! Под эту скорбную мысль мой лоб встретился с булыжником, и наступила темнота.

* * *

Всё тело нещадно колело – будто я вдруг ни с того ни с сего йогой занялась на утыканной гвоздями койке или в яму с ежами свалилась. Собственно, очнулась я оттого, что самый любвеобильный ежик, наверное, воображая себя пушистым котёнком, потёрся своей «шубой» о мою щёку. Я застонала от боли и открыла глаза, чтобы обнаружить себя в неласковых объятиях кустарника.

– Ты слышал? – раздался неподалеку уже знакомый голос белобрысого ушастика, возвращая меня из комы абсолютной в её бредовую вариацию. – Это наверняка Оно!

– Последний раз повторяю, – устало отозвался неизвестный собеседник блондина, – нет здесь никого. Кроме нас троих, на всю округу ни одной достаточно крупной ауры. Только шалор в берлоге дрыхнет.

Я осторожно отвела в сторону колючую ветку, принятую в отключке за ежа, и выглянула из-за неё на каменистую дорожку. Первое знакомство с миром глюков состоялось в лучах заката, теперь же была уже ночь, но, несмотря на тоненький серп луны, едва различимый сквозь облака, и парочку неярких звезд, беседовавших на тропинке я видела не хуже, чем при солнечном свете. Только несколько бесцветно. Длинноухий, предположительно эльф, от которого я сбегала, разговаривал с долговязым субъектом в плаще средневекового образца а-ля инквизитор – в таких обычно ролевики шастают.

– А если... – попытался возразить ушастик.

– Никаких если! – отрезал глас из-под капюшона. – Энергетическое поле не может быть меньше объекта! Как ты вообще четыре курса закончил, если элементарного не знаешь?

– Да всё я знаю! Только вот если у этого существа запаха нет, то, может, и с аурой что-то не так?

– Не бывает материального без запаха! Не пахнут только призраки, – категорично заявил долговязый.

– Это ты Иллу расскажи, – разозлился ушастый, – вот он повеселится, узнав, что ему бестелесная сущность три ребра и руку сломала.

Не знаю, как бы отреагировал этот Иллу, но меня сравнение с Каспером ничуть не развеселило. Впрочем, осознание того, что меня ищут, порадовало еще меньше. Бред бредом, но почему мне не может сниться васильковое поле вместо триллера «Поймай Мышь»? Я зажмурилась и попыталась настроиться на позитив: свежий ветерок, солнышко, синенькие цветочки...

От медитации изрядно отвлекали продолжавшие беседу типы.

– А может, – выдал версию «капюшон», – он испугался и неудачно упал?

Я хмыкнула, сбившись с мысли о пушистых облачках в безмятежно-голубом небе. Это кого же надо увидеть, чтобы на ровном месте так травматично шлёпнуться?

Вот никогда не питала симпатий к эльфам, но этот ушастый глюк оказался явно сообразительнее оппонента. Впрочем, он ведь был свидетелем происшествия и видел всё своими глазами-плошками.

- А лоб чем разбил? - спросил длинноухий.

- Камень откуда-то упал?! - предположил гений логики в ответ.

- Разумеется! - закивал эльф. - Тогда ещё Карвилу намекни, что ботинок, по которому он пытался след взять, ему померещился. Вот он точно обрадуется, а то уже в панику по поводу пропавшего нюха впал.

- Да от той вонючей жижи кому угодно обоняние откажет, не только оборотню.

- Вот! Если это было привидение, откуда странный сосуд с неведомой отравой?

Мне стало обидно - пусть пиво и было теплым, но называть мою любимую марку вонючей отравой?

- Ладно, Ларн, я согласен, что что-то было, но искать сейчас бесполезно! Ночь уже! - попытался воззвать к голосу рассудка «капюшон». - Запаха нет, ауры нет - предлагаешь на ощупь кусты прочесывать? А вдруг оно кусается?

- Не вдруг, а само собой разумеется, - вздохнул белобрысый. - Такой ужас не может не кусаться! Ещё и ядовитое наверняка.

Это я-то ужас? Ядовитый кусачий ужас?!

- Опиши-ка ещё раз, а то я так и не понял толком, что это было.

- Да мы сами не поняли. Могу только сказать, что такого чудища даже представить себе не мог - жутчайший монстр. Кожа серая какая-то, на голове не пойми что, глаза так и вовсе страшнющие - до сих пор вздрагиваю.

От порыва вылезти из кустов и огреть чью-то ушастую голову рюкзаком удержал только инстинкт самосохранения. Нет, конечно, на фоне гладкой эльфийской мордочки, неестественно зелёных радужек и шевелюры а-ля реклама шампуня я выглядела несколько затрапезно, но не настолько же!

– А пола какого это твоё страшилище? – продолжил допрос долговязый.

– Так-то не определишь, – задумчиво протянул ушастый, – но оно заготовку статуи обнимало. Так вот тот кусок камня точно был под женскую фигуру обточен.

– Мужского, значит, – пришёл к выводу собеседник блондина.

А я, во-первых, вконец обиделась, а во-вторых, поняла, что гитар в этом порожденном комой мирке не водится.

* * *

– Здесь уши у эльфов дрожат на ветру,

Здесь маги халтурят безбо-о-ожно,

Сижу в наколдованном комой бреду,

Откуда сбежать невозможно... —

завывала я на мотив известной песни Высоцкого, машинально перебирая струны.

Дрожащий, срывающийся на всхлипы голос отражался от стен пещерки, в которой я устроилась на ночлег. Это зловещее эхо наверняка распугало всю живность в округе. Если, конечно, после моей встречи с обитателем берлоги кто-то ещё остался.

Разумеется, лезть в непонятную расщелину было крайне глупо с моей стороны, и в реальной жизни я бы никогда подобной дури не совершила, но в кошмарном сне ведь не обязательно следовать здравому смыслу? Да и голова моя была занята совсем иными вопросами.

Самым важным, конечно же, было то, как скоро я выйду из комы. Прикинув, во что превратилось мое тело после полёта с тридцать шестого этажа, я вдруг поняла, что, может, и не стоит возвращаться в реальность.

Впрочем, бывали же случаи, когда, выпав из окна, дети и кошки отделялись лёгким испугом и сломанным когтем? Правда, я давно не ребёнок и кошачьими девятью жизнями не обладаю, а в этих историях всегда присутствуют сугробы или охапки опавшей листвы, а никак не щерящийся иглами арматуры котлован, но почему бы не произойти ма-а-аленькому чуду?

Вторым занимавшим меня вопросом был дизайн моего персонального мирка и его обитатели. Я бы поняла, если бы мне пригрезилось, что я рок-звезда. Техногенный антураж, полчища голодных зомби и навороченный автомат тоже были бы кстати, но эльфы? Магия? Как-то я в толкиенизме никогда замечена не была.

После того как эти лопухие нелюди (а тот зануда под своим капюшоном наверняка прятал просто выдающиеся локаторы) обозвали меня мужиком, а мою любимицу чем-то вроде резиновой куклы из секс-шопа, я была готова их просто растерзать. Но хамы сбежали, прежде чем я сообразила, как выбраться из кустов, не оставив на них всю свою одежду и часть кожи.

Напоследок долговязый высказал предположение, что я вовсе и не чудовищем могу оказаться, а жертвой заклинания покалеченного Иллу. Под возмущенные вопли блондина, что «этот бездарь» не мог создать ничего настолько устрашающего, парочка эльфов ушагала прочь и исчезла в яркой бело-голубой воронке, даже не подозревая, как близки были их ушастые головы к непосредственному контакту с моим рюкзаком.

- Пусть Иллу свернёт себе нос на бегу,

А блондин пусть примёрзнет к кровати!

Всем эльфя?м я их уши в пучок завяжу,

Пока сплю в одноместной палате... —

припев выходил особенно звучно. Искренне так, с душой!

Смесь эмоций, кипевшая во мне, просто рвалась наружу. Хотелось рвать и метать, но приходилось выплёскивать накопившуюся обиду на весь мир, а точнее, на два мира – родной и бредовый – исключительно словами. В пещере даже разбить было нечего, а прежний обитатель оной слинял.

Неведомая тварь, похожая на помесь гиены и белого медведя, сперва несколько опешила, углядев завернувший на огонёк ужин, потом прищурила жёлтые глазищи, сомневаясь в съедобности ононого, но всё же решилась продемонстрировать оскал. Им и поплатилась за агрессию, оставив на память внушительный клык и прореху в рукаве. А ведь мы вполне могли поладить – я бы сейчас и от мохнатой компании не отказалась. Впрочем, упрекнуть гиеномишку мне было не в чем – у него была отменная причина для бегства.

Причина, с которой я познакомилась, едва-едва проводив взглядом и воплем пушистый зад улепётывающего со всех ног хищника. Непонятное грязно-серое нечто тарасило на меня здоровенные чёрные зенки без век из окошка-иллюминатора.

Я огласила свод берлоги новой волной визга и метнулась в сторону, но такой же пучеглазый монстр, только с раззявленной пастью, плотоядно пялился на меня уже с другой стены. У чудовища была отливающая сталью чешуйчатая шкура, нечто вроде иголок дикобраза на макушке и... мой кулон на шее?

Свои отражения в своеобразных зеркалах, представлявших собой вкрапления слюды в горную породу, я изучала долго. Сперва закончился запас мата, потом литературной брани, а под финал даже на многозначительное «ы-ы-ы» сил не осталось.

Тот ушастый в жёлтом оказался не хамом, а, можно сказать, поэтом. Ибо назвать нечто, взиравшее на меня со слюдяных пластин, всего лишь ужасом и страшилищем мог только поэт с возвышенной душой. Если именно это чудище белобрысый увидел свалившимся с неба, то очень странно, что по округе не разнёсся душок от измазанных в отходах пищеварения штанов. Я бы на его месте точно обделалась. Впрочем, может, эльфы, как пресловутые однорогие лошадки из сказок, кушают радугу и гадят исключительно розами? Хорошо бы, если с шипами.

Отражение «порадовало» меня вполне человеческим обликом, если, конечно, как следует приглядеться и не брать в расчёт металлическую чешую разного калибра, вампирьи клычки, прячущиеся за тёмно-серыми губами, превратившиеся в резиновые иголки волосы, зачатки перепонки между пальцами и острые прочные когти под цвет «помады». Одежда также приобрела тональность, идеальную для маскировки на проезжей части, – примостившись на асфальте, я вполне успешно могла бы прикинуться его неотъемлемой частью.

Но самым броским элементом в моём бредовом образе оказались глаза, а вернее, солнцезащитные очки, приросшие при помощи чешуек к лицу. Под ними по-прежнему находились глаза настоящие – я свободно могла их закрывать, моргать, смотреть вправо-влево и вверх-вниз, – но броня из чёрного стекла не снималась никак.

Как я не хлопнулась в обморок, не знаю – наверное, режим «кома» нового уровня потери сознания уже не предполагал. Попытки воздействовать на имидж путём самовнушения результатов не принесли – хотя я уже даже на феечку в розовом платьице с рюшами была согласна. Но коматозному миру было плевать на все мои старания – «зеркала» всё так же демонстрировали серую чешуйчатую физиономию.

Оставалось лишь смириться и признать, что была Машка Камышева мышью простая, а стала – летучая. И не потому, что с крыльями, а потому как страшную-ючая. Именно так – с подвыванием на букве «ю».

Впрочем, кроме минусов у глючного апгрейда нашлись и плюсы. Стальная шкура (назвать это кожей язык не поворачивался) отличалась завидной прочностью, что наглядно продемонстрировала свеженькая дырка в улыбке гиеномишки – клык он, бедолага, о мою руку сломал. А вот будет знать, как тащить в пасть кого попало!

Износоустойчивость подтверждалась ещё и целостностью лишившейся кроссовки пятки – даже после забега по камням, кустам и прочим буеракам на ней не обнаружилось никаких повреждений. Ночное зрение и невосприимчивость к холоду тоже не могли не радовать. А отсутствие рогов, хвоста и копыт меня почти осчастливило.

Верная подружка гитара также не избежала преобразования – её прежде гладкая поверхность, радовавшая глаз ровненьким слоем синего лака, запузырилась, будто на нее кислотой плеснули; колки обзавелись шиповидными наростами. В общем, инструмент отменно соответствовал новому облику владелицы, и им, судя по невредимому после кувырка с обрыва корпусу, теперь можно было гвозди заколачивать. Ну, или пересчитывать чьи-то рёбра.

Как ни странно, на звучании трансформация никак не сказалась. А в качестве дополнительного бонуса струны приобрели свойство светиться всеми цветами радуги при прикосновении – эдакая дискотечная подсветка в стиле деревенского клуба.

Перебирать эту «гирлянду» моим обновленным маникюром было весьма удобно – никакой медиатор не нужен – вот я этим и занималась, после того как забаррикадировала выход из берлоги камнями и проинспектировала содержимое рюкзака. А что ещё оставалось делать, когда есть нечего, спать не на чем, а из развлечений доступны лишь пересчёт слюдяных зеркал на сводах да беготня от одного отражения к другому?

С репертуара Высоцкого я перешла на незабвенный хит «КиШ» про проклятый старый дом, перекроив его до оды тупому ушастому гному. С гномом я, конечно, была несколько не права – гномы ко мне пока не являлись, следовательно, провиниться не успели, – но эльфы никак не желали рифмоваться.

После «КиШ» вспомнился «Сектор газа», и я бы непременно спела, как Иллу стоит на горе и тесно общается с семью товарищами, но усталость взяла своё. Я так и отключилась – сидя на голых камнях в обнимку с гитарой и даже не успев подумать, что заснуть в коме совсем уж абсурдно.

Жених невесте не приснился. Впрочем, дурацкий стишок-то я не произносила. Вместо жениха пригрезился омерзительнейший кошмар. Вооруженная гитарой, я в виде бесплотного призрака летала над крышей недостроя. За моей спиной трепыхались нежно-розовые стрекозиные крылья, розовенькая ночнушка, щедро украшенная кружавчиками, путалась в ногах, а на нос то и дело сползал нимб. Гитара же так и норовила превратиться в изящную золочёную арфу.

Но ужас заключался даже не в этом. Среди стремительно трезвеющих одноклассников с печальными лицами и нескольких суровых полицейских восседала на складном стульчике Илонка Боровицкая в наброшенном на её плечики чьём-то форменном кителе. Или как там у полиции этот самый пиджак с погонами называется? Белобрысая гадюка изредка жалостливо хлюпала носом, промокала беленьким платочком сухие глаза и... нагло трескала мои ириски!

Ну как? Как я могла не положить купленное для Фильки лакомство в рюкзак? И как эта выдра набралась наглости, чтобы не только спихнуть меня с парапета, но ещё и запустить свою наманикюренную лапу в единственное оставленное котику наследство?

Гитара, которой я махала, взявшись за гриф обеими руками, словно за рукоять меча, со свистом проходила сквозь жующую конфетки голову врагини, увы, не причиняя ей ни малейшего вреда. У меня же от непривычной нагрузки уже изрядно ломило плечевые суставы. Нимб натёр переносицу, а глаза жгли невыплаканные злость и обида. Вконец умаявшись, я зависла над макушкой Боровицкой, смахнула пот со лба, с чувством провещала: «Чтоб у тебя все пломбы выпали!» – и... проснулась.

Коматозно-бредовое утро встретило сырым полом, каменным сводом, промерзшим до костей телом, как следствие, заложенным носом и громким бурчанием в желудке. Они там что, в больнице, не могут догадаться мне капельницу с глюкозой поставить и кондиционер отрегулировать?

То ли я переоценила морозоустойчивость своей новой шкурки, то ли во сне терморегуляция нарушилась, то ли температура в пещере упала ночью значительно ниже нуля, то ли мир моей комы вообще не поддавался никакой логике, но налицо были все признаки переохлаждения. Ломило не только плечи – ныло и просилось в горячую ванну и тёплую постельку всё тело целиком.

Особой прелести состоянию промерзшего организма добавляли помутневшие стёкла бывших очков. Вчера, когда я рыдала над собственной горькой долей, слезы каким-то образом проступали сквозь нижний ряд обрамлявших «глазницы» чешуек и уже оттуда сбегали по щекам, сейчас же они почему-то оставались за чёрными стеклами и оседали на них в виде конденсата. Может, у меня жар?

Прижатая ко лбу когтистая ладонь ответить на этот вопрос не сумела. В-первых, чувствительность серой кожи оказалась довольно слабой, а во-вторых, я могла лишь предполагать, что являлось нормой для моего мутировавшего в «неведому зверушку» тела. Шевелиться откровенно не хотелось, да и сил на это не было, но дальнейшее пребывание в берлоге грозило мне как минимум воспалением лёгких, если, конечно, оно уже не случилось, а как максимум – смертью от голода.

Можно, конечно, было попробовать пожевать слюдяное зеркало или какой-нибудь камушек, но аппетита они что-то не вызвали. Зато воспоминание о пакете с ирисками, чуть не заставило меня захлебнуться слюной. В который раз обложив матом дуру Илонку, идиота Дэна, а заодно и своё больное воображение, не справившееся с созданием мирка поуютнее, я собралась с силами, с трудом поднялась и, ухватив одной рукой рюкзак, а другой – верную гитару, поковыляла к выходу.

Камень, который я так легко сдвинула вчера, чтобы оградить себя от визитов вежливости сородичей гиеномишки, поддался только с третьей попытки. Зато, когда он наконец-то освободил путь, я буквально вывалилась наружу под жаркие лучи местного светила. Слезящиеся глаза на миг обожгло яркой вспышкой, но зрение почти мгновенно подстроилось под резко изменившийся уровень освещённости. От нахлынувшего тепла захотелось распластаться на нагретых солнечными лучами камнях и замурлыкать. Чешуйки на руках встопорщились от свежего ветерка, и даже дышать стало как-то легче.

К пещере, в которую я пожаловала среди ночи, вёл довольно крутой склон, а потому вид с «порога» открывался отменный. Конечно, я бы предпочла более цивилизованный пейзаж, но не признать красоты ландшафта не могла. Какой-нибудь живописец с удовольствием бы засел здесь с мольбертом, чтобы запечатлеть груды бурых и серых булыжников, отвесные сколы горной породы и поросшие кустами насыпи, безмятежное небо с редкими полупрозрачными полосками облаков и журчащий в низине ручеёк. Я же позволить себе бессмысленное созерцание окрестных красот не могла.

Желудок требовал пищи, мозг – поиска более комфортных условий пребывания, а босая пятка – вызволения пленной кроссовки из объятий коварной коряги, отправившей меня в полёт с обрыва.

Но первым делом пришлось провести ревизию – более тщательную, чем вчера. Содержимое рюкзака, разложенное на камнях, выглядело странно и жалко. На дне пол-литровой пластиковой бутылки бултыхалась пара глотков воды, а в мятой пачке белели три подушечки жвачки – на этом «съестное» заканчивалось и начиналось сомнительное. Три конспекта, одна чистая тетрадь и в комплект к ним зажигалка легли в кучку «оставить» как идеальное средство для разведения костра. В эту же компанию отправились перочинный ножик и, после некоторых раздумий, молоток.

Нетипичный для девичьей сумочки (впрочем, мой рюкзак на это звание тянул с большой натяжкой) предмет я таскала с собой на удачу. В детстве, в один из визитов к бабушке в деревню этот инструмент помог нам с Катькой избежать крупных неприятностей, когда мы ночью отправились в соседский сарай, чтобы утащить ведро с клубникой. Молоток – самый обычный, немного ржавый, с двупалым гвоздодёром с обратной стороны – я прихватила тогда для самообороны.

Семилетней Маше казалось, что это отличное оружие против всяких монстров, которые могут подстерегать двух малявок на стезе грабежа. Но пригодился он совсем для другого – дверь сарая за нами захлопнулась и, если бы я не догадалась выдернуть несколько гвоздей, чтобы отодвинуть доски, не избежать бы нам с сестрёнкой порки поутру. Так что, когда Катька на шестнадцатилетие преподнесла мне несколько осовремененную копию того спасителя – с удобной резиновой ручкой и в самодельном бархатном чехле с коряво вышитым посвящением «Лучшей сестре в мире» – я, недолго думая, прописала его в своей сумке на постоянное место жительства.

В кучку «на выброс» легли: смартфон, не подающий признаков жизни; пилка для ногтей, совершенно бесполезная для моего нового маникюра; расческа – по той же причине; планшет с севшим аккумулятором; капли от блох, купленные для гулёны-Фильки, и дырокол, который я обещала презентовать секретарше нашего декана за выданную в последний момент хвостовку.

Зеркальце в виде пудреницы с двумя отражающими поверхностями – обычной и увеличивающей – ушло в компанию к молотку и тетрадкам. Комплект сменного белья, чистые носки и зубная щетка... Последняя заставила меня долго и вдумчиво изучать новый формат собственной улыбки, в поисках признаков любви к сладкому. Но даже трёхкратное увеличение не показало ни одной пломбы.

Последними я вытащила клетчатую фланелевую рубашку и коротенькие эластиковые шорты – стандартный набор для ночёвки у подружки. Солнце припекало основательно (или мне так казалось после сырой берлоги), и перспектива переодеться была на редкость заманчива, но воображение тут же нарисовало мне, как будут смотреться алые шорты на моей серой шкуре, и услужливо предоставило образ краснозатого павиана для сравнения. Сходство не вдохновило, и я принялась заталкивать вещи обратно в рюкзак. Когти царапнули по чему-то плотному, и с самого дна я выудила пакет с чешками, завалившимися, вероятно, с последнего, ещё доканикульного похода в спортзал.

Ковылять, припадая на босую пятку, мне совсем не улыбалось, поэтому беленькие кожаные «тапки» были встречены восторженным воплем и тут же натянуты на ноги, а одинокая кроссовка за шнурки прицеплена к рюкзаку. Прикинув суммарный вес «ненужного», я и эту кучку отправила обратно – лишние полкило не так уж существенны, а пригодиться может все. Таким образом, за полчаса до полудня, если судить по часам на запястье, закинув багаж за спину, повесив на плечо гитару и привязав (на случай встречи с очередным хищником) чехол с молотком к петельке брюк, серая-пресерая Мышь в белых тапочках отправилась разведывать обстановку.

Эти самые тапки, то есть чешки, я прокляла сразу же – тонкая кожа подошв скользила по камням, как шайба по льду. А вслед за «шайбами» скользила и я. И вовсе не в надёжные объятия вратаря и даже не в сетку ворот, а напрямик в пропасть. Зато первый же такой кульбит обнаружил ещё одну особенность нового облика – удержаться на самом краю мне помогли крылья. При отчаянном взмахе руками вслед за родными, хоть и изрядно посеревшими конечностями вверх взмыли полупрозрачные перепонки.

– Вот только их мне и не хватало, – обнаружив сей факт, хмуро пробормотала я.

Однако эти эфемерные, неощутимые, будто сотканые из чёрного тумана довески к моей экзотической анатомии пригодились не раз и не два – чешки продолжали скользить, а рельеф, порождённый коматозным мозгом, отличался удивительной неровностью. Сплошные каменистые холмы повышенной крутизны и лишь кое-где петляющая меж ними тропинка. Колючие кусты, жалящее солнце и кружащие в вышине стервятники довершали прелести пейзажа.

Оставалось только гадать, согласно какой логике моё подсознание устроило вчерашнюю встречу с Иллу и его гламурным товарищем – местность выглядела совершенно необитаемой. Но когда я забралась на очередной холм, всё изменилось. Взору предстала долина с умеренным количеством зелени и стоящий посреди этой долины замок – совершенно не эльфийской наружности, кстати.

То есть ни тебе белых мраморных стен, ни стрельчатых арок, ни ажурных башенок, ни позолоты, ни орнаментов из рун, ни оплетающих ворота роз. Вместо этого наличествовали простые серые камни, суровые глазницы узких зарешёченных окон, остроконечные крыши со шпильями и мелкие проёмы, очень похожие на бойницы. Нет, ощущения, что замок готовится к какой-то войне или осаде, не возникло – мост через окружавший его ров был опущен, – но всё равно.

– М-да, – пробормотала я, разглядывая строение. Почему сознание решило сгенерировать фэнтези, к которому лично я всегда относилась пофигистично, по-прежнему не понимала.

Вторая большая непонятка заключалась в слишком ярких физических ощущениях. После того как выползла на солнышко, озноб постепенно прошёл, а голод – нет. Напротив, стал только сильнее. Он накатывал волнами, и к моменту обнаружения замка скручивал желудок в трубочку. Последний от столь варварского обращения протестующе урчал, распугивая мелкую живность и заставляя вздрагивать меня.

Пытаясь заглушить эти вопли, я допила остатки воды, а потом мысленно прицкнула на себя, поправила гитару и шагнула сквозь кусты, свернув с тропинки. Ведь если тут есть целый замок, то почему бы не найтись и какому-нибудь ручью? Ну и чему-нибудь съедобному заодно? Наверное, подсознанию требовался чёткий запрос, чтобы создать желаемое. Иначе чем объяснить, что уже через несколько минут я набрела на негустую поросль корявых деревьев, обрамлявших пяточок, буквально усыпанный спелой земляникой? Во рту сразу началось слюноотделение...

Мм-м... Еда!

– Ничего на свете лучше нету,

Чем отнять у эльфа две котлеты,

А потом сожрать, не подавиться,

Закусив всё это дело пи-и-ицей... —

не пела, а бормотала я, собирая и горстями забрасывая в рот сочные ягоды.

Было вкусно, но не особо сытно. Поляна стремительно пустела, а голод так и не проходил. В животе по-прежнему урчало, гитара и рюкзак сиротливо лежали под одним из деревьев, настроение не улучшалось, а совсем наоборот. Просто в голове всё чаще всплывала угрюмая мысль, что к этой коме придётся приспособливаться, ибо никто не знает, как долго она продлится.

Обглодав очередной, тысяча первый кустик, я встала с колен и отправилась к оставленным в отдалении вещам. Из-за длительного пребывания на солнце пить хотелось еще сильнее, и я, подхватив багаж, попыталась прикинуть, как быть дальше.

Логика шептала, что всевозможные ручьи находятся в низинах, так что именно туда я и устремилась. Скользя по склону, стараясь не повредить гитару и тихонько матеря гадкие чешки! Игра стоила свеч – очутившись внизу, я прогулялась по узкому оврагу и сразу наткнулась на ручей, впадающий чуть дальше в мелкую речку. Следующие несколько минут были посвящены восторженным визгам и утолению жажды. Потом я умылась – в силу привычки, а не необходимости – и наполнила опустевшую бутылку.

Иллюзорная жизнь точно налаживалась, однако главный вопрос: «Что делать дальше?» – оставался нерешённым. Продолжить поиски более сытной еды и начать обустраивать убежище? Или... сунуться в замок, например?

Первая мысль не понравилась, а от второй буквально перекосило. Ведь если замок, то он точно принадлежит какому-нибудь аристократическому семейству, и я даже предположить боюсь, как «богатые и знаменитые» отреагируют на внезапно нагрянувшую летучую мышку.

А если в замке, невзирая на его мрачно-брутальный вид, всё же обитают эльфы? Они же закроют с порога! Вон как тот длинноухий блондин вчера плевался! Его же буквально корёжило от одних воспоминаний о моей персоне. И кстати, как он там меня называл? Ядовитым чудовищем?

Я нахмурилась, однако припомнить точно нанесённые ушастым хамом оскорбления не успела. От ковыряния в памяти отвлёк внезапный порыв ветра, который принёс умопомрачительный аромат шашлыка.

Сперва я застыла, а потом сунула бутылку в рюкзак и, подхватив манатки, молнией устремилась вверх по склону оврага – аромат шёл оттуда. Через несколько минут я уже сидела в очередных кустах и, давясь слюной, наблюдала новый эпизод коматозной киношки... Надо признать, довольно садистский для голодного организма!

Никаких эльфов, только люди, причём именно такие, какими представляются респектабельные фэнтезийные торговцы. Несколько мужчин, явно относящихся к категории слуг, ещё часть персонажей – увешанные железом наёмники, ну и трио хозяев, как я поняла. Двое молодых и один старый, одетый на восточный лад, этакий султан.

Одна часть мужчин грузила на телеги вещи, другая занималась лошадьми, а третья сидела у костра, лениво наблюдая, как готовится мясо. Всего в нескольких метрах от поляны, где обосновалась компания, виднелась широченная дорога, наверное, торговый тракт.

От вида подвешенного над углями, истекающего соком окорока желудок начал готовить даже не бунт, а настоящую революцию. Попутно он предлагал выйти на поляну и подружиться с местным населением, только я на провокации не поддавалась – продолжила сидеть и ждать.

План действий пока не складывался. Единственное, что приходило на ум, – оставаться тут и верить, что толпа мужиков сожрёт не всё и забирать недогрызенный окорок с собою не станет.

Только мечты эти развеялись довольно быстро. Мне предстояло остаться голодной, если не подсуечусь. Прощальный тоскливый взгляд на окорок, и моё внимание переместилось к телегам – там должно было быть что-то ещё. Нечто, что можно стырить, пока все эти торговцы-наёмники завтракают.

Горько вздохнув по поводу незапланированного вступления на путь грабежа, я крепче стиснула ремень гитары, попятилась, чтобы, углубившись в заросли, подобраться к телегам с другой стороны. Обернулась и... Я успела засечь всего

две вещи: бледноватое мужское лицо и ярко-оранжевый порошок, который облаком сорвался с ладони незнакомца и полетел ко мне.

Короткий вдох, и всё – коматозная реальность растворилась. Я с визгом провалилась в беспросветную тьму.

* * *

Сознание возвращалось урывками, глаза выхватывали из туманного марева то кусочек неба, то грязную тряпку, то фрагмент решётки. Тошнило. Как в детстве, когда на старенькой, раздолбанной машине возили к бабушке в деревню. Жаль, что мятный леденец от укачивания никто не предлагал.

Наконец организм совладал с тряской, сложил элементы мозаики в единое целое и определил происходящее как полную ж... пятую точку! Я валялась на полу большой клетки, водруженной на телегу, и являлась объектом недюжинного интереса со стороны ехавших рядом мужчин. Даже их лошади поглядывали на меня с боязливым любопытством. Из плюсов было то, что за спиной ощущался рюкзак, а руки сжимали верную гитару. Из минусов – всё остальное.

От той оранжевой пакости, которую я вдохнула, саднило горло. «Приятным» бонусом совершенно пропал голос, в результате чего я была лишена даже возможности высказать охамевшим киднепперам всё, что я о них думаю.

Наладить диалог я не могла, а накатывающая волнами слабость не позволяла вскочить и изобразить гневную пантомиму «Свободу попугаям». Оставалось валяться полутрупиком и прислушиваться, что я и сделала.

– Туривиль, ты молодчина! – то и дело восклицал «султан», похлопывая по плечу тщедушного индивида, ехавшего с ним бок о бок.

Тот от подобной ласки едва с лошади не падал, но терпел и даже улыбался. Именно этот тип швырнул мне в лицо неведомой дрянью, из-за которой я отключилась.

– Да ерунда! Ничего сложного – всего лишь щепотка сон-травы и простейшее заклинание. Любой маг бы справился.

Эти двое следовали сразу за телегой, в которой я возлежала. Впрочем, какая телега? Скажем прямо – тюрьма на колёсах.

– Ты даже представить не можешь, сколько денег мы заработаем на этом монстре! – продолжал вещать «султан», нахваливая собеседника.

– Дядюшка, а может, оно разумное? – робко предположил подросток, сидевший на сундуке на второй – обычной – повозке. – Может, его нельзя в клетку сажать?

– Скажешь тоже! – проворчал мужчина. – Нельзя человека али эльфа!оборотня нельзя, русалку не рекомендуется, мертвяков с некромантской нитью подчинения не следует. А всякую непонятную нечисть самое оно за прутьями из заговорённой стали держать! А ежели разумная – так ещё дороже будет!

– А если оно говорящее? – продолжил допытываться парнишка.

– А говорящее втрое больше денег принесёт.

– А вдруг оно... – Подросток замялся, не то вспоминая слово, не то стесняясь произносить его вслух, – вдруг оно цивилизованное? Вон вроде одетое. И с мешком каким-то и с дубиной, хоть и странной.

– Сказок надо меньше читать! – отрезал «султан». – Вон тётка твоя свою ручную мартышку тоже одевает. Да не абы во что – в шелка да бархаты. Что, прикажешь и обезьяну в цивилизованные записывать? И вообще, наше дело до базара довести и продать подороже. А новый хозяин пусть уже разбирается, что оно такое: зверь невиданный, демон чужемирный али жертва колдуна-недоучки.

Естественно, после всего услышанного, даже когда вернулся голос, желания общаться с этими работорговцами у меня не возникло. Они даже покормить ценный товар не сообразили – только налили воды в миску, просунув её сквозь прутья. К вечеру караван остановился на ночлег, и я стала подумывать о побеге. Можно было бы попросить помощи у жалостливого парнишки, но его предусмотрительно услали ставить палатки, а мою тюрьму накрыли плотным чехлом – словно клетку с канарейкой. Вернее, вороной, если учесть мой внешний вид.

Я немного потрясла решётку, поковыряла пилочкой для ногтей и когтями замок. Напилась из своей бутылки. Порадовалась, что пустому желудку не требуется опорожнение. Чуть-чуть тихонько поревела и незаметно уснула, свернувшись калачиком в углу.

Глава 2

Утро поприветствовало меня неласково – ломотой в костях, сопливым носом и резью в животе. Тряпку на клетке немножко приподняли, только чтобы плеснуть в миску свежей воды и жестоко, цинично, бесчеловечно сунуть кость от вчерашнего окорока. Я была так голодна, что, возможно, рискнула бы попробовать её на зуб. Останавливала только привычка не подбирать с пола. Да и мало ли, кто эти объедки слюнявил. Допив свою воду и зажевав её «Орбитом», я собралась было устроить барабанный концерт при помощи миски и молотка, но передумала, как и вчера сосредоточившись на подслушивании.

«Султан», распорядившийся не снимать сегодня чехол с моей тюрьмы, дабы уберечь ценный экземпляр от солнца, ветра и жадных взглядов конкурентов, рассуждал, как скоро мы сумеем добраться до города. Сочувствующий парнишка тархтел о вожделенном походе в балаган, а Туривиль сетовал на необходимость навесить на добычу отвод глаз посильнее. Остальные большей частью молчали, лишь изредка обмениваясь короткими репликами исключительно по делу.

Город меня заинтересовал. Вдруг там возникнет шанс сбежать? Нападение каких-нибудь грабителей было бы весьма кстати. И вообще, с какого перепугу мой собственный бред приобрёл такие неприятные очертания? Возможно, стоило сконцентрироваться и перекрыть этот коматозный мирок, назначив себя «владычицей морскою»?

Я сосредоточивалась на образе царских палат час, два, три... Ничего не получалось. Наконец я раздосадованно стукнула кулаком о дно телеги и вдруг ощутила, как куда-то проваливаюсь и падаю на жесткую неровную поверхность.

– Да что за дохлый скунс? – заорал кто-то прямо мне в ухо.

Я подскочила, как ужаленная, за что-то зацепилась, снова упала. Кто-то уже не орал, а выл на одной ноте. Выпутавшись из какой-то светлой шёлковой тряпки, я встретилась глазами с двумя великолепными фингалами – одним свежим и одним уже вполне сформировавшимся. Физиономия, украшенная этими фонарями и шишкой на лбу, была знакомой.

– Иллу?! – выдохнула я.

– Опять ты?! – взвыл покалеченный, баюкая загипсованную руку.

Он лежал на кровати в небольшой комнате, а тряпка, с которой я боролась, оказалась всего лишь простынёй. – Порождение тьмы, мерзкая гадина, образина вонючая, да я тебя... Я тебя растерзаю! По стенке размажу! Пеплом развею и кислотой его залью!

– Сам придурок! – кратко огрызнулась я и рванула прочь, пока шарик из серо-синих светящихся ниток, выросший на здоровой руке Иллу, не устремился мне в голову.

Ринулась я, разумеется, к двери и, яростно дёрнув за ручку, вывалилась в коридор, застеленный пыльной, затоптанной ковровой дорожкой. Тот факт, что коридор пуст, осознала уже после того, как промчалась по нему несколько метров и свернула в какой-то закоулок.

Пробежка была короткой, но сердце стучало бешено, и приглушенные крики ушастого напоминали удары по голове кувалдой. А спустя несколько секунд Иллу взвыл пуще прежнего!

– Оу-у-у! – разнеслось по округе. – Ы-ы-ы!

О причине вопля я догадалась сразу, и даже сомнений не возникло.

– Убью! – В тональности подстреленного бизона орал раненный в оба глаза индивид. – На клочки разорву! Закатаю в ковёр и сожгу!

Эльф явно не шутил, и мне, вероятно, следовало перепугаться, но я предпочла сделать кое-что другое. Судорожно глотнув воздуха, боязливо высунулась из

закоулка и, окинув взглядом пустынное пространство, на цыпочках, но быстро, устремилась обратно.

Дело в том, что, сидя в клетке, ни рюкзак, ни чехол с молотком я не снимала, а гитару из рук всё-таки выпустила. Видимо, поэтому очутилась в комнате, где обретался длинноухий, без неё, а новый вопль эльфа... в общем, он подарил надежду, что гитара нашлась!

Короткая прогулка в стиле розовой пантеры, крепко сжатые кулачки, и, быстренько заглянув в обитель ушастика, я в правильности догадки убедилась. Времени на страх или сомнения себе не дала – тут же прошмыгнула в комнату, схватила лежащий поверх длинноухой тушки инструмент и поскакала обратно.

Вслед донеслось что-то нечленораздельное, а закончилась тирада вспышкой сине-голубого света – то есть заклинанием в меня всё-таки швырнули. К счастью, снаряд пролетел мимо и врезался в дверной косяк, оставив на светлом дереве крупное тёмное пятно.

После такого сердце застучало ещё чаще, но я не сдержалась – обернулась на пороге, чтобы сообщить Иллу:

– Вот ты истеричка ушастая!

Эльф даже орать прекратил, смазливое лицо изумлённо вытянулось.

Ну а я добила:

– Панда!

Тут он всё же отмер, выпалил:

– Кто падла?! Й-а-а падла?! Да ты...

– Ясно, мишки с фонарями тут не водятся, – констатировала я.

Во вскинутой руке парня снова начал проявляться сгусток энергии, и я благоразумно свинтила. Сперва добежала до уже знакомого закутка, а потом

промчалась в конец коридора, в надежде отыскать местечко поуютнее, где можно будет спрятаться, отдышаться и подумать, что делать дальше.

За двустворчатой дверью обнаружилась лестница, ведущая в двух направлениях. Вверх взмывали обычные пролёты, а более узкие ступени, уходившие вниз, терялись в темноте. Соваться в непонятную темень, смахивающую на лаз для зомбяков, не хотелось. Я дунула наверх, чтобы вскоре очутиться в новом коридоре, который мало разнился с предыдущим. Единственное ощутимое отличие – тут крики Иллу были уже не слышны.

Это стало поводом притормозить, дабы перевести дух и запоздало поразмыслить о том, почему «пострадавший» меня не преследует? Вроде тот тип в жёлтом прикиде говорил про сломанные рёбра и руку. Но, может, в результате новой встречи у Иллу сломалась ещё и нога, а?

Предположение неожиданно принесло удовольствие – даже сил прибавилось, и губы в улыбке растянулись. Ситуацию портили лишь два момента: во-первых, я понятия не имела, где нахожусь, во-вторых, дико хотелось... нет, уже не есть, а жрать! И если дислокация не имела особого значения, то пустой желудок буквально выл, напоминая о своих нуждах.

Впрочем, вскоре всё прояснилось. Оглядевшись ещё раз, я обнаружила в интерьере нечто знакомое: этот коридор, эти многочисленные двери, местами украшенные короткими стишками и похабными картинками, витающие в воздухе запахи и что-то ещё, еле уловимое, вызвали стойкую ассоциацию – примерно так выглядела общага нашего вуза... Через несколько минут догадка подтвердилась – добравшись примерно до середины коридора, я набрела на просторную общую кухню.

Кухня! Еда!

От счастья я едва не уронила гитару и бодро устремилась к длинному ряду столов, на которых были выставлены всевозможные кастрюли и ковшики. Чувство голода обострилось до предела, желудок победоносно взвыл, но, едва я снимала крышки с нескольких кастрюль, стало ясно – всё не так чудесно, ибо общага мужская.

Да, мужская, потому что взгляду предстала целая коллекция пригорелых каш, переваренных макарон и супов типа «обойный клейстер с овощами». Причём выглядело и пахло всё так, словно здесь проводили соревнование из серии «кто приготовит хуже». Только возможности привередничать не было, и я, отыскав в общем бедламе чистую вилку и на всякий случай протерев её салфеткой, жадно набросилась на еду.

Уплетала стремительно, отлично понимая, что времени не так много. А утолив первый, самый зверский голод, огляделась и с большой радостью обнаружила, что огромный многодверный шкаф, занимающий большую часть дальней стены, – это не абы что, а холодильник!

Переваренные макароны сразу стали вкуснее – к ним нашёлся соус. Света в этом средневековом хладогенераторе не было, поэтому я не сразу заметила, что полки снабжены табличками. Слова на них были странными, не русскими, хоть и написанными кириллицей. И вообще незнакомыми, хотя логика подсказывала, что это имена. Впрочем, после более пристального рассмотрения, одно знакомое нашлось... Карвил!

Я не путала, именно это имя называл тот белобрысый эльф, который беседовал с «капюшоном». Причём у Карвила осела моя вторая кроссовка. Вернее, не так – МОЯ кроссовка! Та, из-за отсутствия которой, я вынуждена ходить в скользких неудобных чешках.

Это была явная несправедливость, которая срочно требовала возмещения.

В результате, покончив с макаронами, я стянула с полки Карвила батон колбасы и уже нарезанный, завёрнутый в пергаментную бумагу хлеб. Сунула добычу в рюкзак и только после этого задумалась, как быть дальше. Где бы я сейчас ни находилась, нужно было найти убежище, чтобы отдышаться и спокойно оценить происходящее. И да, уходить надо быстро, ведь обитатели общаги могут вернуться в любой момент.

Озадаченная этой мыслью, я подхватила гитару и развернулась к двери, а в следующий миг едва не завизжала. Просто там, там...

– Что, никогда привидений не видела? – насмешливо заявили мне.

Клянусь, гитара была перехвачена за гриф и взмыла в воздух сама по себе, без какого бы то ни было участия сознания. Потому что сознание пребывало в шоке.

Оно относительно спокойно перенесло полёт с нестроения, общение с гиеномишкой, новый имидж и даже клетку. Смирилось со слишком реальными ощущениями коматозного мирка и приняло правила игры в эту псевдореальность. Но встречу с преподавателем философии, которому пришлось трижды сдавать зачёт на прошлой сессии, сознание уже не осилило.

Во-первых, наш Иван Иванович в своём потёртом пиджаке и немодных, чуть расклешённых брюках никак не вязался с окружающими фэнтезийными декорациями. Во-вторых, он вообще не мог быть полупрозрачным и парить на фоне холодильника, потому что был жив! В смысле, он был жив всего два месяца назад, и...

– Ай-я-яй, студентка Камышева, как вам не стыдно! – укоризненно качнув седой головой, сказал призрак. – Воруем, значит, рукоприкладством занимаемся, да ещё и не здороваемся! Совсем молодежь распустилась!

Я нервно икнула и, спрятав гитару за спину, потупилась. Конечно, больше в силу привычки, чем из-за настоящего смущения. Следовало признать, что дикий сценарий моего бреда приобретал всё большее сходство с банальным бытовым кошмаром.

Иван Иванович! Да ещё в качестве привидения! Ну полный же мрак!

– Молчишь, Камышева? – самодовольно хмыкнул препод.

И я резко исправилась:

– Здравствуйте! Я больше не буду!

– Как не будешь? – неожиданно расстроился призрак. – Совсем?

– Э-э? – протянула я.

Спустя ещё миг растерянность дошла до высшей точки – просто призрак внезапно дёрнулся и расплылся бесформенным облаком, из которого уже другим, куда более молодым и приятным голосом донеслось:

– А давайте заключим договор о сотрудничестве?

Я хлопнула ресницами и переспросила с сомнением:

– Иван Иванович?

Белёная дымка неожиданно рассеялась и собралась снова, вырисовывая облик, весьма далёкий от облика нашего философа. Теперь на фоне холодильника парил высокий подтянутый мужчина средних лет и весьма привлекательной наружности.

– Антерран Пьерри, – склонив голову в лёгком поклоне, представился призрак. – Прошу простить мне этот небольшой розыгрыш, мадемуазель Мари. Не мог удержаться и не воспроизвести ваш самый яркий образ, связанный с моими коллегами.

Я не придумала ничего лучше, чем вытащить гитару из-за спины, а потом плюхнуться на табуретку возле стола и опасно поинтересоваться:

– Образ?

– Мы, привидения, так устроены, что при первом контакте невольно считываем воспоминания объекта пугания. О нет, не беспокойтесь – не все, а только те, которые можно использовать в работе. Так как насчёт договора?

Я оторопело мотнула головой.

– Договор? Какой ещё договор?

– Я помогу вам наилучшим образом устроиться в подведомственном мне здании, – заявил призрак, – а вы, в свою очередь, продолжите диверсионную деятельность. – И после паузы, с восторгом: – Начать с уничтожения продуктовых запасов – это гениально, моя дорогая! Я чувствую, что мы

сработаемся.

– А-а! – осенило меня. – Так вы мой проводник по подсознанию? Будете указывать пути к самосовершенствованию и всё такое...

– Какой ещё проводник? – обиделось привидение. – Я полноправный хранитель ночного порядка в пятом корпусе Шерриведского Института Магии. Я отлавливаю кошмары и наведённые сны. Сам милорд Бо...

– Шерри чего? – переспросила я, невежливо оборвав излияния. – Это у вас тут целый институт шерри дегустирует, что ли, и исключительно по ночам?

Полупрозрачный собеседник глянул со снисхождением и гордо задрал подбородок.

– Здесь обучают магии и ратному делу, дипломатии и языкам, – важно заявил он. – У нас даже факультатив по хоровому пению имеется и балетный класс мадам Жизньевы! Отпрыски благородных семейств просто мечтают...

– Стоп-стоп-стоп! Я поняла, тут понтовое заведение для золотой молодёжи. МГИМО для рождённых с волшебной палочкой в... э-э... пусть будет руке. Неясно одно: зачем эту странную контору воздвигло моё воображение?

– Какое ещё воображение? И это не контора, а заведение с многовековыми тради...

На сей раз привидение умолкло само. Оно метнулось к двери, наполовину высунулось через створку, так что в помещении остались только ноги, и рвануло обратно. В процессе данного манёвра важность с «хранителя» сдуло, и следующим, что я услышала, стало:

– Всё, некогда вашим образованием заниматься, Мари. Сюда идут! Заключаем договор или будете сами с объединёнными вами студентами разбираться?

– Договор! – мгновенно согласилась я, не успев даже подумать, не то что выяснить, в чём же будет заключаться моя часть сделки. Ведь «продолжите диверсионную деятельность» – формулировка довольно расплывчатая.

– Отлично! – воскликнул призрак и, подлетев вплотную, ловко ухватил меня за мочку левого уха. Кожу обожгло холодом, а на тут же отдёгнутой полупрозрачной руке привидения заалела капелька крови. – Договор заключён, – облизав палец, заявил дух. – Вон в том углу, справа от холодильного шкафа, надо нажать на третий снизу камень. Механизм старый, но должен сработать.

– А что там? – послушно бросившись в указанный угол, спросила я.

– Тайный ход! Давайте быстрее, мадемуазель Мари, потом всё объясню!

– Маша, – плюхнувшись на колени и со всех сил надавив на неподатливый булыжник, поправила я, – просто Маша. И лучше на «ты».

– Терри! – В свою очередь, сообщил короткое имя призрак.

– Замётано! – просипела я.

Камень, наконец, утонул в кладке, с тихим скрипом повернулся кусок стены, и я кубарем покатила куда-то в гулкую пыльную темноту.

* * *

После того как падение закончилось, а в нос ударил запах влаги и пыли, в голове невольно всплыли известные строки про маленький гробик и обглоданный череп. Я их даже продекламировала нараспев – уж очень они были к месту.

Лежала я, как покойница – на спине, чувствуя все «прелести» рюкзака, обнимая многострадальную гитару и таращась на низкий каменный свод. Зато не ушиблась и, невзирая на жёсткую встречу с полом, у меня ничего не болело. Это наводило на подозрение – а вдруг путешествие по коматозной реальности уже закончилось и я, наконец, того? Этого... Окончательно умерла?

Через пару секунд подозрение опровергли...

– Гробик? – голос новоявленного знакомого прозвучал удивлённо. – Мадемуазель Мари... мм-м... Маша, откуда такой пессимизм в столь юные годы?

Я шумно вздохнула и села. Прошлась пятернёй по резиновым иголкам, в которые превратились волосы, и больно прикусила язык, дабы не ответить на поставленный вопрос. Увы, но слова, которые на этом самом языке вертелись, были слишком далеки от любых приличий. Произнести их вслух не позволяло воспитание.

– Ладно, – так и не дождавшись ответа, сказал Терри. Его белёсая полупрозрачная фигура проявилась в нескольких шагах. – Если ты уже отдохнула, предлагаю продолжить путь.

– То есть мы ещё не пришли? – выдохнула удивлённо.

В ответ услышала:

– Конечно, нет.

Я приободрилась и плавно поднялась на ноги, а в следующую секунду пространство озарилось бледным желтоватым светом. Это немногочисленные развешенные по стенам факелы вспыхнули, и то, как всё произошло...

– Магия? – с подозрением спросила у призрака я.

– Что же ещё?

Быстро, чтобы не тратить времени, я огляделась и обнаружила, что спустилась сюда по длинной каменной горке, которая прямо сейчас медленно трансформировалась в ступени. Конструкция явно предполагала поездку на попе, но я же везучая – умудрилась скатиться кувырком.

Впрочем, и кости, и гитара остались целыми, поэтому сокрушаться я не стала, а покорно направилась за призрачным Терри. Путь занял всего ничего, буквально несколько минут, а потом тоннель оборвался, мы остановились у глухой каменной стены, и призрак сообщил:

- Правый угол, пятый камень сверху.

В этот раз я нажимала на булыжник осторожнее, ещё и голову опасно в плечи втягивала. Только нового падения не произошло – кладка отодвинулась, открыв взгляду зияющую пустоту, в которой спустя несколько секунд тоже вспыхнули желтоватые светильники.

Терри пробрался в помещение первым и, обернувшись, махнул полупрозрачной конечностью.

- Заходи, – сказал он оптимистично, – не стесняйся.

Я приглашением воспользовалась и одновременно пришла к выводу, что жизнь всё же налаживается. Пусть в открывшемся помещении было столь же сыро и пыльно, как и в коридоре, но это однозначно лучше, чем пещера со слюдяными вставками или тем более клетка.

- Мм-м... Тут кто-то жил? – заметив и узкую кровать в углу, и комод, и большое, покрытое особо толстым слоем пыли зеркало, спросила я.

- Было дело, – отозвался призрак. – Но очень давно. Не бойся, хозяин не вернётся.

Последнего я как раз не опасалась – было очевидно, что комната свободна. Более того, в данный момент главная непонятность заключалась в другом. Как там Терри про Иван Иваныча сказал? Самый яркий образ, связанный с... коллегами?

- Терри, а ты вообще кто? – развернувшись, выдохнула я.

Призрачный мужчина застыл и глянул недоумённо.

- Про хранителя пятого корпуса помню, но кем ты был... – Тут маленькая неловкость вышла. Даже при том, что я сама тоже не в самом добром здравии пребывала, интересоваться напрямую было стрёмно. – Кем ты был до смерти?

Собеседник озадаченно приподнял бровь и от- ветил:

- Преподавал историю и теорию магии.

Я невольно вытаращилась, а переварив сказанное, уточнила:

- А как ты умер?

- Так студенты довели! - признался Антерран Пьерри.

- Как довели? - опешила я. Конечно, многие студенты по факту именно доведением преподав и занимаются, но разве такое возможно в буквальном смысле? Преподы... они же живучие, как командос, и сами кого угодно изведут!

- А вот так! - Призрачный мужчина развёл руками.

Теперь мстительные настроения нового знакомого обрели смысл, а ещё появилась уверенность, что такой союзник будет очень полезен. Оставалось уточнить насчёт обязанностей по заключённой сделке.

- То есть ты помогаешь мне, а я устраиваю твоим ученикам весёлую жизнь?

Антерран неожиданно скривился, ответил после паузы:

- Они не мои. Те, кто учился у меня, давно наш институт закончили.

- То есть мстим всем подряд и без разбора?

Заморенный препод уверенно кивнул, а спустя ещё миг патетично поднял к потолку палец и воскликнул:

- Но! Есть в нашем заведении и кое-кто особенный. Прямой, так сказать, потомок...

Я кивнула, мысленно этому самому потомку сочувствуя. Говорят, конечно, что сын за отца не отвечает, но на практике всегда получается наоборот.

– Очень неприятный тип, – продолжил Терри. – Вообще мерзкий. С такими жуткими... – призрак приставил ладони к голове и помахал ими на манер крыльев, – ушами.

– Эльф? – догадалась я.

– Именно.

– А как звать?

Сообщника буквально перекосило, зато имя он всё-таки выдал:

– Ларрэйн.

– Ага...

Окинув пространство новым взглядом, я бодро прошагала к застеленной каким-то жутким, почти истлевшим покрывалом кровати и, оставив на пол гитару, скинула на постель рюкзак. Зарылась в него, вытащила чистую тетрадь и сильно расстроилась, вспомнив, что ручку-то я не захватила. Вернее, ручка в рюкзаке болталась всегда, но я, видимо, где-то её посеяла.

– Что не так? – услышав моё горестное пыхтение, поинтересовался призрак.

– Нужно что-то, чем можно записать, – поделилась проблемой я.

Терри повода для печали не увидел – подлетел к комоду и, сунув в него голову, заявил:

– Здесь посмотри.

Посмотрела. В верхнем ящике нашёлся простой карандаш, которым и воспользовалась. «Подвергнуть справедливому возмездию!» – написала я на первой странице в качестве заголовка. Затем поставила арабскую единицу и вывела названное призраком имя – Ларрэйн.

– Хм, – прозвучало где-то поверх плеча.

Я обернулась и взглянула на Терри, который выглядел дико довольным!

– Фундаментальный подход, – прокомментировал он. – Мне нравится.

Ни к какой фундаментальности я не стремилась, просто боролась с ранним склерозом, однако спорить с выводом сообщника не стала. А потом подумала и вписала ещё три строки: Жёлтая туника, Иллу и Карвил. После заминки был обозначен и пятый индивид – Капюшон!

За плечом опять захмыкали, и я снова обернулась, чтобы увидеть озадаченную физиономию уморенного здешними студентами препода.

– То есть ты не просто так колбасу именно с полки Карвила воровала? – блеснул интеллектом призрак. – А Иллукар что, позволь поинтересоваться, натворил? И чем тебе не угодили предметы гардероба?

Я от вопроса отмахнулась, однако призрак оказался на редкость настырным...

– Мадемуазель... мм-м... Маша! Ты можешь рассказать, что произошло?

Кажется, голоса в голове, ну и в целом разговоры с собственными глюками – первейшие признаки шизофрении. И до этого момента я, можно сказать, держалась молодцом и с вымышленными личностями практически не общалась.

Но ведь всё бывает в первый раз! Более того, а почему нет? Чем милый воспитанный мститель Антерран не собеседник? Может, он сейчас, как в «Матрице», вручит символическую таблетку, которая выведет меня из комы? Или...

Впрочем, ладно. К чему оправдания? Положа руку на сердце, мне просто хотелось пожаловаться. Вот этим я и занялась, устроившись на кровати.

– Понимаешь, Терри, сидела я себе на парапете, никого не трогала, видом любовалась. И тут Илонка Боровицкая... Кстати! – Я сцапала тетрадку и внесла в список ещё два пункта. Конечно, в сказочном мирке моего бреда ни Дэна, ни его

горячей поклонницы наверняка не было, но зато в перечне обидчиков им полагались призовые места. – Так вот, эта курица облезлая спихнула меня вниз.

– Какого же размера была эта курица? – с сомнением протянул призрак. – Это какая-то новая мясная порода?

– Это безмозглая порода! – поправила я. – И скорее костлявая, чем мясная. И при чём тут её размер? В общем, эта чувырла приревновала меня к идиоту Денису и толкнула, и я упала. И разбилась, но, похоже, не насмерть. И теперь лежу в коме, и мне снится вот это вот странное всё. – Я описала рукой дугу. – И я очень хочу очнуться, но...

Тут я запнулась и глянула на собеседника жалобно. Смех смехом, однако произносить такое вслух не хотелось. До сего момента я даже самой себе не признавалась, что...

– Боюсь, моё тело сильно пострадало, – пробормотала я. И носом шмыгнула. И зябко повела плечами.

Глюк моего сознания в лице Антеррана взял паузу, после которой кашлянул и сказал:

– Стоп. Я не очень понял, почему ты считаешь, что спишь?

– Ну а что ещё? На какой-нибудь из загробных миров это всё не похоже, к тому же... думать, что я совсем умерла, страшно, – перейдя на шёпот, выдала самую сокровенную тайну я.

Собеседник посмотрел странно, а через миг всплеснул руками и заявил:

– Какая невероятная глупость! Посмотри на себя и на меня – как по-твоему, кто из нас больше похож на мёртвого?

Я смирила взглядом белёсую полупрозрачность привидения и пожала плечами:

– Ты вообще, прости, смахиваешь на облако дыма.

– Маша! Мёртвые не устают, не дышат и носами не шмыгают. Наконец, они не едят макароны! – Призрак взмыл к потолку, навернул пару кругов по периметру комнатухи и, резко спикировав, уселся на комод. Положил ногу на ногу, сцепил руки в замок и сообщил: – В общем, я тебя уверяю, ты совершенно живая.

– Угу, конечно, – пробормотала я скептически. И хотя спорить не хотелось, попробовала объяснить ещё раз: – Терри, я упала с тридцать шестого этажа, понимаешь?

– И что с того? С кем не бывает? Чего тут особенного?

В этот миг возникло желание покрутить пальцем у виска, а заодно я убедилась, что разговоры с собственными глюками – плохая идея. Зато мёртвый препод подсаженного на шерри института думал иначе, и он продолжил:

– Вероятнее всего, произошло следующее: в момент опасности активировался дремлющий дар и открыл портал – только и всего. Правда, сейчас я никаких магических способностей у тебя не вижу, но, возможно, из-за пережитого потрясения дар снова уснул. У рождённых в вашем мире он чаще всего латентен и никак не проявляется.

Я мысленно застонала – о да! Магический дар! Конечно-конечно!

Однако любопытство оказалось сильнее, и я всё же переспросила:

– В нашем мире?

– Ну да. Техногенная гадость с отравленным воздухом, – скривился призрак, – я всего пару раз там был. На практике по отработке маскировки. Обычное дело. В общем, забудь про кому и сны! Всё совершенно реально. Ты здесь, у нас, – призрак развёл руками. – Живая и здоровая.

Я глянула на него, как на идиота, а Терри повторил с нажимом:

– Ты живая, Маша! Так что прекращай сомневаться и лучше расскажи, что было дальше. Ты выпала из портала где-то за стенами института?

Поверить всё же хотелось! Хотя бы потому, что версия с волшебным перемещением, как ни крути, была куда привлекательнее варианта с больничной койкой или моргом. И я не то чтобы согласилась с версией Терри, но сделала допущение.

Хорошо. Пусть так. Представим, что я действительно жива.

- Дальше я оказалась на каком-то пятачке в горах и чуть не раздавила Иллу, рухнув на него. И там мелькали какие-то цветные вспышки. А ещё был ушастый в жёлтом, который обзывался. Потом они с Капюшоном и Карвиллом меня искали. А я ночевала в пеще...

- погоди, - перебил меня Терри. - Как выглядел этот твой «пятачок»?

Я вздохнула, но объяснила:

- Обыкновенно. Такой себе большой круг, усыпанный мелкими гладкими камешками и окружённый валунами. И со всех сторон скалы. Мне разглядывать некогда было - я убежала сразу.

- Дуэльная поляна! - уверенно заявил призрак. - И если там был Иллукар, то... Как, говоришь, выглядел второй?

- Волосы длинные светлые, глаза зелёные, уши тоже длинные.

Лицо призрака озарилось настолько гадкой улыбкой, что захотелось отодвинуться. Спустя миг прозвучало:

- Он! Можешь вычёркивать из своего списка второй пункт, Маша. Твоя «жёлтая туника» - это Ларрэйн, Ларн Таольди, номер первый на отмщение. Впрочем, если хочешь, мы можем отомстить ему дважды.

- Да хоть трижды, - не выдержав, фыркнула я.

Улыбка Терри стала ещё шире - нет, он реально был ужасно доволен!

– Кстати, чем провинились остальные? – прозвучал новый вопрос. – Тоже обзывались? Как я понял, Иллукар пострадал из-за тебя, а не обидел. Хотя... – Призрак прищурился и уставился на меня взглядом патологоанатома. Только скальпеля в призрачной руке не хватало. – Я всё не мог понять, что на тебе за заклинание такое странное, но раз ты магическую дуэль прервала...

– погоди, – нахмурилась я. – Так это кто-то из них меня заколдовал?

– Я бы поставил на Иллу, – кивком подтвердив моё предположение, заявил Терри, – у Ларрэйна с воображением не очень. Силы много, но формулы использует стандартные. Я-то полагал, что это на тебе эхо от портала, а оно вон как...

Где-то внутри моего существа случился эмоциональный взрыв, и стало совершенно ясно, что:

– Я... я этому колдуну недоделанному сейчас оставшиеся кости доломаю! Он же меня изуродовал! А теперь еще и чудовищем обзывает?!

– В каком смысле изуродовал? – удивлённо произнёс призрак.

– А ты что думаешь, я родилась со всем этим чешуйчатым ужасом? Когтями, клыками и прочей гадостью? – взвилась я.

И тут до меня вдруг дошло, что с самого начала Терри не проявлял ни малейшего удивления и разговаривал со мной не как с неведомой зверушкой, которой самое место в клетке, а как с человеком. Я даже с надеждой уставилась на собственную руку, но серая кожа была на месте. Отражение, увиденное в поспешно извлечённом из рюкзака зеркале, тоже ничем не порадовало.

– Зрение призраков работает не так, как у живых, – сообразив, что к чему, пояснило привидение. – Я вижу симпатичную девушку в одежде техногенного мира и тёмных очках. И отголосок недавнего магического воздействия на ауре.

– А живые видят монстра без ауры и запаха, – припомнив все услышанные откровения, грустно сообщила я.

– Без ауры? Без запаха? – восхитился Терри. – Маша! Это же открывает небывалые перспективы! Мы же теперь им всем...

– А толку от этих перспектив? Если всё так, как ты говоришь, если я в самом деле жива, то я хочу снять эту уродливую шкуру и вернуться домой, а не жевать ворованную колбасу в этом склепе.

– Не переживай так! Во-первых, у студентов до получения диплома стоит специальный блок, и они могут использовать только временные чары, то есть попавшее в тебя заклинание обязательно развеется. Во-вторых, ты непременно вернёшься, как только обратишься к кому-нибудь из верховных магов. Вот хоть к милорду Бонаэлю – это наш ректор.

– Так чего мы тогда тут сидим? – подскочила я. – Пойдём к нему скорее!

– Не спеши, Маша, – зависнув между мной и выходом, сказал Терри. – Он сейчас в отъезде и вернётся почти через декаду. А показываться кому-то из других преподавателей я бы тебе не рекомендовал.

– Это ещё почему?

– Если не считать того, что мы с тобой заключили договор, – толсто намекнул на свою выгоду призрак, – существуют определённые ограничения. По нашим законам, у тебя нет статуса, и ты легко можешь стать собственностью любого, обладающего правом.

– Как собственностью? – Я плюхнулась обратно на кровать, подняв облако пыли.

А Антерран опустил обратно на комод и принялся рассказывать.

* * *

Картина вырисовывалась неутешительная.

В этом мире, называемом Альер, действовал своего рода феодальный строй. Все рядовые граждане находились под чьей-то ответственностью: главы рода,

вожака стаи, старейшины – в зависимости от того, к какому виду принадлежали. Маги шли особняком – они приобретали независимость вместе с лицензией, которую получали одновременно с дипломом. Конечно, ни о каком крепостном праве или о чём-то подобном речи не шло. Скорее об опеке несовершеннолетних, если уж проводить параллель с Землёй.

Увы, со мной был особый случай. Всем приглашённым в Альер землянам назначался временный опекун и выдавалась соответствующая справка, я же попала сюда нелегально, и никакой бумажки с печатью мне не полагалось. А без бумажки ты, как известно, букашка. Так что...

За порядочность ректора Терри был готов поручиться, но вот прочие коллеги такого тотального доверия у призрака не вызывали. По его словам, любой мог соблазниться получением бесплатного подопытного кролика.

Конечно, этот жаждущий мести полупрозрачный индивид вполне мог соврать, чтобы охладить мой пыл и подстраховаться от преждевременного побега, но проверять не хотелось. Воображение живо нарисовало ошейник и вливаемые в горло экспериментальные зелья, и подобная перспектива мне совсем не нравилась.

Что ж... Декада – это не так долго. Подождём надёжного милорда Бонаэля, а заодно разведем обстановку и попробуем восстановить утраченную справедливость. Вернём кроссовку, доломаем Иллу оставшиеся рёбра, проредим Ларрэйну шевелюру, ну и Капюшона найдём – он, конечно, не виноват, но, учитывая дружбу с эльфом, кары тоже достоин.

Но прежде всего следовало отыскать безопасный санузел и добыть нормальное постельное бельё. И чай! Я просто мечтала о чае.

Тут выяснилась чудесная подробность: выход, расположенный в общей кухне этого этажа, – не единственный.

– Он один из многих, – пояснил заморенный студентами преподаватель. – Вообще система тайных коридоров оплетает весь корпус. Все этажи, кроме первого, подземелья и башен.

Настроение и так стремительно исправлялось, а теперь вообще к отметке «плюс сто» подпрыгнуло.

Впрочем, капля дёгтя тоже нашлась:

– Только я знаю их не слишком хорошо. – Терри развёл руками. – При жизни не входил в круг посвящённых, а после не было повода изучить. Я же и так проникаю, куда хочу.

Я подумала и расстраиваться всё-таки не стала.

– Если ты готов сопровождать меня, хотя бы первое время, то проблем, полагаю, не будет.

– Конечно, готов! – горячо заверил сообщник, а я немного стушевалась. Но так как терпеть становилось всё сложнее, а обмочить штанишки не хотелось, отбросила стеснительность и сказала в лоб:

– Для начала очень хочется найти туалет. И желательно такой, в котором никого нет.

– О-о-о... – протянул призрак несколько смущённо. Однако тут же приободрился и заверил самым деловым тоном: – Ерунда, сейчас найдём!

Гитару и рюкзак я оставила в комнате, а от пристёгнутого к поясу молотка отказываться не стала. Любовно погладив чехол со своим единственным, но грозным оружием, кивнула призрачному проводнику, и мы пошли.

Выбрались из комнатухи-убежища, прогулялись по тёмному коридору, прошагали по небольшой лесенке – вернее, это я шагала, а Терри так, имитировал, – но к арочной нише, определенной мною как выход на кухню, не пошли. Призрак указал куда-то влево, и, приглядевшись, я увидела узкий тоннель.

– Он идёт вдоль стены, – с готовностью пояснили мне.

Стало немного жутко. Невзирая на ночное зрение, обретённую толстую кожу и когти, во мне на секунду проснулся клаустрофоб-параноик. Успокаивало лишь то, что я нужна Антеррану для мести, а значит, никакой ловушки быть не должно.

Пропустив привидение вперёд, нырнула в тоннель и почти сразу застыла. Наверное, здесь располагалось слуховое окно, потому что откуда-то отчётливо доносились голоса. И один из них я сразу узнала, хотя слышала впервые.

– Я в последний раз спрашиваю! – В рокочущем глубоком басы звучала смесь досады и ярости. – Кто. Посмел. Сожрать. Мою. Колбасу?!

В финале фразы – и это было очень заметно – бас едва не сорвался на визг, и я тихонько захихикала.

– Карвил, – тут же ответили парню, тоже низким голосом, кстати, – ты достал!

Следом в разговор влез третий:

– Говорим тебе: не брали. У нас своей еды достаточно. Да и что в той колбасе особенного? Она деликатесная была? Нет? А что ты тогда орёшь?

После паузы прозвучало предположение:

– А может, её кто-то из девчонок телепортировал? Слышал, на тебя сегодня злы. – Судя по сопроводившему реплику ехидному смешку, повод для злости имелся.

– Шкаф защищён от телепортаций! – взревел Карвил. – От любых других шуточек магов – тоже!

– Уверен? – уточнил первый голос. – Этим заклинаниям года три, их никто не...

– Обновляли! – перебил разъярённый похититель моей кроссовки. – На прошлой неделе! Я лично мастера-заклинателя сопровождал после того, как некромантки плесень наслали.

Новых возражений-вопросов у товарищей по общаге не нашлось, а я хихикнула снова. И, видимо, зря, потому что...

- Слышали? – резко вскинулся Карвил.

Дружное настороженное молчание, а после него:

- Мне тоже показалось.

- И мне.

Я сразу зажала рот ладонью и, повернув голову, поймала укоризненный взгляд Терри – он тоже остановился и ждал, пока я наподслушиваюсь. Но продолжения тема коллективных «галлюцинаций» не возымела, ибо тут в разборки включился новый элемент.

- Эй! – воскликнул кто-то ещё. Тоже мужской голос. – А мои макароны где? Я утром целый ковшик сварил!

Задерживаться дальше я не стала – природа брала верх над любопытством. Тем не менее штуку с подслушиванием запомнила! И даже поняла, куда отправлюсь после того, как сделаю все дела.

А пока продолжила путь, одновременно пытаюсь запомнить маршрут – на случай, если привидения рядом не будет. В миг, когда терпеть стало совсем уж трудно, мы влезли по винтовой лестнице и оказались возле еще одной арки. Терри, высунувшись наполовину из закрывавших её камней, сообщил:

- Свободно. Выходи.

Затем был короткий поиск рычага – в этот раз им оказался не камень, а обломок настенного крепежа для факела, – и часть кладки неохотно подвинулась. Я очутилась в общественной уборной на три кабинки и тут же помчалась к входной двери, чтобы заблокировать ручку и дико порадоваться тому, что запирающий механизм исправен.

– Э-э-э, – пронаблюдав манёвр, протянул призрак. После чего вылетел обратно в тайный ход, пробормотав, что подождёт там.

Ну а я проскользнула в одну из кабинок и опять-таки порадовалась, обнаружив внутри чистую и вполне удобную сантехнику. В общем, цивилизация – это здорово! Принципиально лучше, чем лужа где-нибудь в углу коридора!

Глава 3

Архитектора, занимавшегося проектированием общежития, я готова была расцеловать. Правда, Терри уверял, что среди привидений его не встречал, но мне и памятник сгодился бы – даже могильный. Возможность незримой тенью скользить по всему зданию была поистине бесценна. А уж что говорить о подслушивании и даже подглядывании!

Я сидела на прихваченном из кладовой шерстяном пледе, прихлебывала из позаимствованной там же пузатой фляги со свойствами термоса чай и наслаждалась спектаклем через окошечко, расположенное в метре над полом тайного коридора.

Ажурная решётка, по словам призрака маскировавшая смотровое отверстие под вентиляционное, нисколько не мешала обзору, ибо была иллюзорной. Зато отменно приглушала звуки и запахи – я могла жевать чеснок и петь песни, оставаясь никем не замеченной. Потайные ходы вообще были надёжно защищены магией. Даже странно, что возле кухни эта защита дала сбой.

– Говорю вам, это было оно, – вещал в своей комнате Иллу. – Появилось прямо тут. Свалилось с неба, ну, то есть с потолка.

– Бред, – уверенно парировал незнакомый тип в светло-сером балахоне, склонившись над постелью и приложив два пальца к шее парня. Судя по действиям, это был местный эскулап. – Так, пульс нормальный. А ваши видения, студент Ириолли, – это просто побочный эффект жара. Вы принимали прописанную мной микстуру?

– Нет, не бред! – воскликнул ушастик, потирая свежую шишку на лбу, выросшую рядом с уже пожелтевшей первой. – Оно здесь было! Едва не раздавило...

– И стырило мою колбасу! – мрачно дополнил обвинение маячивший с другой стороны кровати Карвил. К его раскатистому басу прилагались совершенно белые короткие волосы ёжиком, льдисто-серые глаза, внушительная мускулатура и клыки, очень похожие на мои.

Терри шепнул, что это типичная внешность оборотня из клана белых медведей. Из всех особей, встреченных в коматозном мире, пальма первенства по привлекательности пока что досталась именно этому коварному похитителю кроссовки. Если бы не её злодейское присвоение, сомнительные, ушибленные на всю голову и рёбра приятели и наличие животной ипостаси, я бы даже рассмотрела кандидатуру мишки на роль объекта грёз.

– А вы вообще помолчите, студент Севальди, пока я не выставил вас из палаты! – пригрозил балахон. – Уже весь институт о вашей мнимой пропаже наслышан.

– Это моя комната! – возмутился Иллу.

– Мнимой? – вторил ему Карвил.

– Хотите в палату? – любезно осведомился лекарь у больного. – А вы, я полагаю, жаждете проверки на душевное здоровье? – обратился уже к посетителю. – Нет?! Тогда молчим и слушаем! Рекомендациям моим следовать неукоснительно. Зелья и растирки применять чётко по списку, без пропусков на «невкусно и лень»! Гостей развлекать не более получаса и не чаще трёх раз в день. В противном случае выздоровление может затянуться и мне придётся поставить вопрос об академическом отпуске.

– Ещё затянуться? – взвыл Иллу. – Куда ещё-то? У меня и так регенерация не действует и резерв на нуле уже третий день и...

– Прекратите орать, студент! – оборвал его стенания врач. – Я, что ли, виноват, что вы растратили все силы на какое-то экспериментальное заклинание, не предусмотренное программой обучения, и схлопотали откат? Вот теперь лежите и лечитесь! Завтра загляну – проверю, как у вас дела.

С этими словами балахон направился к двери и через секунду закрыл её за собой.

- Безмозглый зануда! - припечатал Карвил.

- Идиот! - поддержал товарища Иллу. - По общежитию бегают неведомая хищная тварь, а он микстурки прописывает и к кровати приковывает. Я даже погнаться за этой серой пакостью не смог, потому что он ограничивающий кокон наложил, представляешь?

- И хорошо, что не погнался, - усевшись в кресло, неожиданно заявил оборотень. - Куда тебе почти без магии и со сломанной рукой?

- Тоже верно, - сдулся болезный ушастик. - Что делать будем? - помолчав, спросил он.

- Соберём наших и устроим облаву! - предложил Карвил. - А ты пока подумай, может, это кто-то из твоих родственников проклятие наслал? На дуэльной поляне могла и случайно тварь напасть, но уж очень странно, что она к тебе сюда явилась.

- Да какое проклятие? - воскликнул Иллу. - Я же не успел рассказать - оно говорящее!

- Да ты что? - заинтересованно подался к собеседнику оборотень.

- И голос ещё такой противный - писклявый! - продолжил добавлять пунктов к своему списку прегрешений больной.

Записывать было не на чем - тетрадь, как и прочее барахло, я оставила в убежище, - но я всё запоминала! Все обзывалки, все обвинения, все совершенно необоснованные претензии.

- Страшное, - вещал эльф недобитый, - с во-о-от такой мордой. - Продемонстрированные жестами габариты «морды» больше подошли бы бегемоту. - С чешуёй, когтищами и на кривых лапах.

Что? Это у меня-то кривые ноги? Удержаться от протестующего возгласа удалось, только зажав себе рот ладонью.

- И голос... - вернулся к теме звуков Иллу. - Ну просто «фу». Мантикору в брачный период представляешь? Вот примерно так же эта тварь визжит. Даже хуже! А ещё... - Парень буквально захлебнулся возмущением, но договорил: - Оно обзывалось. Сказало, что я - падла!

- Падла? - переспросил оборотень не менее возмущённо.

- Ага. И ещё что-то про медведей добавило. Я не расслышал, но наверняка такое же гадкое!

Иллу засопел, а похититель кроссовки задумался.

Потом уточнил:

- Почему ты называешь тварь «оно»? Ларрэйн утверждает, что монстр - «он».

- Да, я в курсе, - отозвался раненый. - И тоже думал, что «он», но теперь, после того как услышал этот писк, сомневаюсь.

- Полагаешь, может оказаться самкой?

Лопоухий пожал плечами. Спустя ещё миг, не выдержал - сжал кулаки и выпалил злобно:

- Кем бы оно ни было, я его убью!

Дальше разговор вновь пошёл про истощённый резерв, который по неясной причине не восстанавливается - это я почти не слушала. Просто сидела, прихлёбывала чай и внимательно взирала на своих врагов.

В голове вновь и вновь всплывали слова Терри о том, что мой жуткий облик - это следствие экспериментального заклинания Иллукара, а ещё рычание балахона на тему того, что два шарика серо-голубой энергии, запущенные сегодня эльфом, едва не стали причиной бесповоротного магического истощения.

И если от остальных заявлений и наставлений врача остроухий воротил нос, то тут проникся по-настоящему и даже побледнел. Это указывало на то, что теперь он к магии не прибегнет, и... давало некоторый простор для маневра.

Второй повод для философских размышлений – рычание Карвила. Оборотень оказался достаточно сообразительным, чтобы сопоставить новость о моём появлении с пропажей колбасы. Более того – он вообще не сомневался в моей причастности.

– Чудище-то без запаха! – воскликнул в ту секунду он. – Это всё объясняет! Недавно обновлённые заклинания отлично работают, но не было никакой магии и никакой телепортации. Тварь просто зашла и открыла холодильный шкаф! Я только одного не пойму: почему она спёрла именно мою колбасу? При чём тут я?

Обсудить подробно тему в присутствии врача у парней не вышло, но теперь, когда закончили шушукаться про резерв, Карвил взвился снова.

– Нет, ну почему у меня? – выпалил он. – Я что, крайний?

Иллукар задумался и неуверенно выдвинул версию:

– Может, оно каким-то образом догадалось, что ты – мой друг?

Оборотень, который как раз вскочил и принялся нарезать круги по комнате, остановился и посмотрел на приятеля как на психа. И я, помня разговор торговцев, смысл подобной реакции уловила... Ну, конечно. Поверить в то, что неведома зверушка способна говорить, – это одно, а предположить у зверушки способность думать и делать выводы – совсем другое.

– Это слишком невероятно, – вслух резюмировал оборотень. – Впрочем, плевать. Как бы там ни было, нужно что-то делать. Потому что красть у меня колба...

– Ты разве не слышал? – перебил Иллу. – Никто не верит, что кто-то что-то у тебя украл.

– Не верят – значит, поверят!

Напоследок Карвил глухо зарычал и комнату эльфа покинул, громко хлопнув дверью – видимо, помчался объяснять местной общественности, насколько та не права. Ну, а я криво улыбнулась, чтобы через миг вздрогнуть, потому что рядом слишком внезапно проявился Терри.

– Ты как? – спросил призрак шёпотом, хотя его голос, как он объяснил, слышал только тот, к кому обращались. – Закончила?

Я подумала и кивнула, а заморенный гадкими студентами препод улыбнулся и заявил:

– Тогда за мной!

После короткого перехода, мы очутились возле очередной арки. Призрак высунулся наружу, а вернувшись, сообщил:

– Чисто. Можешь идти. – И добавил после короткой паузы, ткнув полупрозрачным пальцем в арку: – Тут выход в коридор. Тебе нужно направо и в ближайшую дверь – это ещё одна кладовая, там постельное бельё. А я отлучусь на пару минут. Проверю, что в подсобке у лестницы хранится.

Я прижала к груди уже добытые плед с флягой и нажала на указанный Терри камень. Выходить из убежища, тем более без призрачного напарника, было стрёмно, но куда деваться? Следуя полученным указаниям, свернула и, приоткрыв ближайшую дверь, шмыгнула внутрь.

В тайном ходе было темно, в коридоре – светло, а в кладовой снова царил тьма, но проблем не возникло – зрение перестраивалось мгновенно. Я повертела головой и, шагнув к ближайшему стеллажу, принялась смотреть, что здесь и как.

Комплекты белья оказались сложены и затянуты в нечто, напоминающее нашу полиэтиленовую плёнку, как в поезде, что порадовало, ибо гигиена – святое. А ещё здесь нашлись полотенца и запасы мыла, в которые я тоже ручки загребущие запустила. Может, серая чешуя и не имела запаха, но это ещё не повод её не мыть.

Оставалась малость – незаметно вернуться с добычей в потайной ход... Терри не возвращался, нахапанное добро оттягивало руки, и мне быстро надоело ждать. Хвала паранойе, но, невзирая на то что времени прошло немного, я, прежде чем выходить, прислушалась. Потом заглянула в дверную щель и мысленно застонала – по коридору неторопливо вышагивали два каких-то типа.

В руках у каждого было по большому комку тряпок, что подсказало – студенты, вероятнее всего, направляются в прачечную. Ну а после того, как эти двое продефилировали мимо, где-то очень близко щёлкнуло, а я услышала приглушенное:

– Про Иллукара знаешь? Вот умора!

– Ага. Это каким же идиотом нужно быть, чтобы под собственное заклинание попасть?

Парни засмеялись, а я встрепенулась и уставилась на предмет, которого прежде не заметила. Дело в том, что в кладовой имелась ещё одна дверь – проход однозначно не использовался, его блокировал стол, однако широкая щель, через которую можно было заглянуть в соседнее помещение, была.

Вот я и заглянула!

Оказалось, что за стенкой действительно расположена прачечная. Ну или что-то вроде неё. По периметру комнаты тянулись многоярусные стеллажи, а посередине был утоплен в пол огромный чан, в котором уже возвышалась горка из тряпок. Парни швырнули свои вещи туда же и, забрав с полок, снабжённых именными табличками, аккуратные стопки чистой одежды, ушли.

Я же расплылась в коварной улыбке и мысленно поблагодарила незнакомых студентов, потому что в голове родилась идея мщения. Сейчас мои руки были заняты, но я точно знала, кто недосчитается предметов гардероба, когда я сюда вернусь.

* * *

– Держи! Держи её! – орал лохматый рыжий громила, на ходу пытаясь стянуть с себя штаны.

– Уйдёт, зараза! – вторил ему щуплый брюнет в заляпанном алыми пятнами балахоне.

– Грр! – скалил зубы крупный красноглазый волк – и не скажешь, что минуту назад был лысым пацаном метра полтора ростом.

Вот не зря все диетологи мира талдычат, что вредно есть по ночам!

Отбой в общежитии был в девять. Тогда же для Терри наступало время приступать к своим обязанностям – следить за сновидениями студентов. Делал он это с верхнего яруса центральной башни, где был закреплён специальный кристалл-усилитель, позволявший контролировать сразу весь корпус. Поэтому призрак был вынужден меня оставить в одиночестве.

В тесной тёмной комнатухе было невероятно скучно. Конечно, там стало куда уютнее, когда я выволокла все старые полуистлевшие тряпки и застелила кровать свежим бельем. Шерстяной плед, взбитая и поставленная на угол подушка, трофейная колбаса на комод, – убежище приобрело обитаемый вид, но веселее мне от этого не стало.

Ни тебе ноута с выходом в Сеть, ни смартфона, ни телика... Даже книг не было или хотя бы карт, чтобы разложить пасьянс. Тоска смертная. И чай, как назло, закончился.

Словом, я сочла небольшую вылазку за провиантом отличной идеей. И крупно просчиталась!

Не успела выбраться на кухню и подойти к холодильнику, как в углу что-то шевельнулось, воздух вдруг задрожал, смазывая картинку, и через миг с возгласом «Попалось!» на меня ринулся Карвил. Вывернуться удалось буквально чудом. Я юркнула под стол, перекувырнулась как заправская гимнастка и рванула к выходу.

Оборотень, попытавшийся этот фокус повторить, не учёл разницу в габаритах и приложился макушкой о столешницу, из-за чего на какие-то доли секунды замешкался. Я вылетела в коридор и рванула прочь, но убежала недалеко.

Ноги у рослого парня были ощутимо длиннее моих, да и к пробежкам он явно был куда привычнее, а потому настиг меня буквально через десять шагов. Я забились в нишу и с ужасом уставилась на недобро ухмыляющегося преследователя. Ужас перешёл в настоящую панику, когда Карвил принялся медленно расстёгивать рубашку. Я и без того не особо желала общаться, теперь же с перепугу вообще говорить разучилась – лишь таращилась, беззвучно, словно рыба, раскрывая рот, и созерцала импровизированный стриптиз.

Слова вернулись, когда на оборотне вообще ничего не осталось.

– Караул! На-на-насилуют! – почему-то не проорала, а прошептала я, стараясь не смотреть ниже шеи оборотня.

– Тебя?! – скривился он. – Размечталось!

Прыгнул в мою сторону ещё парень, окутанный серебристым туманом, а приземлился уже огромный белый медведь с налитыми кровью глазами.

Оглушающий визг волной пронёсся по коридору, но зверюге было плевать на мой прорезавшийся голос. Мишка зарычал и попытался оттяпать мне руку. Серая чешуя не подкачала – в битве клыки против магической мутации победила последняя. А вот рубашка не выдержала – затрещала и лопнула, оставив в зубах медведя солидный клочок. На его морде нарисовалась обида, словно у малыша, у которого совочек отобрали.

Разорванная ткань сползла, оголяя грудь, и повисла на локте лохмотьями. Обиженное выражение на звериной хारे сменилось заинтересованным. Он даже рычать перестал, склонив голову чуть набок и подавшись ко мне. Я отступила, пытаюсь одновременно вжаться в стену и прикрыть прореху, и задела что-то плечом. Инстинктивно шарахнулась.

Со стены сорвался украшающий нишу рыцарский щит и со снайперской точностью рухнул на медведя. Оборотень, не ожидавший такого нападения, увернуться не успел и взвыл, принимая удар мохнатой головой. Я взвилась

вверх, как кошка – или мышка, если учитывать взмывшие вместе с руками призрачные крылья, – оттолкнулась ногой от щита и, перепрыгнув таким образом зверя, оказалась на свободе.

Относительной, ибо в коридоре обнаружилась троица незнакомых парней – рыжий бугай, тощий брюнет и лысый коротышка.

– Самка! – заявил последний.

Я охнула и поспешно скрестила руки на груди.

– Паршиво! – скривился брюнет. – Вдруг она уже где-то яйца отложила?

– Думаешь, яйцекладущая? – протянул заинтересованно рыжий.

– Да наверняка! Вон, чешуя как у змеи, глаза как у ящерицы и когти птичьи, – убеждённо произнёс лысый.

– А фигурка ничего... – вдруг заинтересовался бугай.

– Спятил? – хором спросили остальные, повернувшись к ценителю фигур.

– Зоофил! – неожиданно даже для себя влезла с репликой я и, развернувшись, рванула прочь.

– Лови её! – заорал кто-то из троицы.

Я не оглядывалась. Мне во что бы то ни стало нужно было добраться до какого-нибудь входа в тайные тоннели. Или хотя бы спрятаться.

Оценить степень грозящей засады я, увы, не смогла. До последнего верила – стоит юркнуть в потайную дверь, и все проблемы рассосутся, но обитатели фэнтезийной общаги жестоко над моими надеждами надругались.

Теперь я сидела в камерке на кровати, укутавшись в одеяло и подтянув ноги к груди, и кисло взирала на каменную кладку, которая служила входом в эту часть

убежища. А там, снаружи, бегали и суетились студиозусы всех мастей – от белого медведя с налитыми кровью глазами до рыжего индивида с зоофилическими наклонностями.

Искали понятно кого, а я чувствовала себя круглой душой! Ведь реально верила, что о системе потайных ходов никому не известно.

Студентам.

Обитающим в общежитии.

Неизвестно о ходах.

Ага!

Когда грусть достигла вселенских масштабов, я вытащила остатки стыренной у Карвила колбасы и принялась заедать горе. Только веселее от перекуса не стало – спустя несколько минут из-за кладки донеслось басистое «Р-р-р», а вслед за ним:

– Так! Внимание! Карвил утверждает, что учуял запах той самой колбасы!

Тихонечко взыв, я накрылась одеялом с головой и принялась уплетать украденное с утроенной скоростью.

Какой этот Карвил всё-таки жмот! Будто я последнее забрала!

* * *

Всё-таки небольшая, совсем-совсем крохотная справедливость в этом сумасшедшем мире существовала – когда я проснулась, в моей потайной норе не было никаких медведей, волков и прочих студенческих особей. И даже их топота и воплей за стеной не было слышно. В тишине и полумраке были только я, гитара да Антерран, который восседал на комодике и взирал крайне укоризненно.

– Мадемуазель Маша... – начал он.

– Я не виновата, – перебила я призрака. – Правда не виновата! Это всё гадкий Карвил – он на меня засаду устроил. Напал! И вообще чуть не загрыз!

– Четыре столетия – с тех самых пор, как этот замок был отдан в распоряжение министерства образования, – преподавателям удавалось сохранять тайну секретных ходов. Слухи ходили, но магия надёжно защищала входы от посторонних глаз. А тебе, Маша, хватило единственного вечера, чтобы...

– Ы-ы-ы... – провыла я. Очень хотелось снова скрыться под одеялом, да ещё и под подушку голову засунуть, но совесть ведь везде найдёт. – Я не хотела! Просто оборотни так быстро бегают. Карвил вломился в кухонный лаз прямо за мной и застрял, зафиксировав его открытым. А потом его приятели принесли и столом проём заблокировали. Я еле-еле успела в каморке спрятаться.

– Милорд Бонаэль меня развеет, – печально констатировал призрак. – Это ведь я показал ходы и выдал разрешение ими пользоваться.

– Какое ещё разрешение?

– Обыкновенное, – вздохнул Терри. – Стандартный преподавательский доступ. Я же всё-таки имею в этом здании некоторую власть, хоть и призрачную – прости уж за каламбур. Так что ответственность за рассекречивание возложат на мои плечи, и расплата будет суровой.

– А сделать ничего нельзя?

– Ну, в принципе, если очень повезёт и удастся скрыть происшествие от коменданта, – задумчиво протянул Антерран, – то, может, и пронесёт. Студенты ведь вряд ли обратятся к кому-то с вопросами – будут сами искать и выяснять, но без разрешения ничего не найдут. Пока у них нет доступа, не смогут открыть ни один из входов, даже если станут давить на рычаги. Механизмы попросту не сработают.

– Фух, – выдохнула я, осознавая, что всё не так плохо.

Правда, призрак был не столь оптимистичен.

– Только для начала надо закрыть проём на кухне, – помедлив, сообщил он.

– А там никого нет?

– Нет. Все ушли на утреннюю тренировку – сегодня её проводит сам Риммус Ло, поэтому никто не рискнул пропустить занятие.

– Риммус кто?

– Некромант, преподаёт методы борьбы с нежитью и классификацию мёртвых. Ну и наставника по физической подготовке иногда заменяет. Между прочим, мечтает открыть какой-нибудь ещё неизвестный вид нежити, а поскольку у тебя, Маша, нет запаха и ауры и внешность странная...

– Ясно, – понятливо кивнула я, – Примуса обходим за семь вёрст, читая «Отче наш».

– Что читая?

– Это заговор такой – от всяких магов и некромантов особенно.

– Как интересно. Потом расскажешь? А пока нам стоит поторопиться – тренировка не будет длиться вечно, да и комендант скоро появится. Вчера у него был выходной, а после него он всегда совершает обход.

Я понятливо закивала и попросила Терри отвернуться, намереваясь сменить разорванную рубашку на запасную – клетчатую. Но, когда скинула плед, обнаружила, что отодранный медведем рукав как по волшебству восстановился. Впрочем, почему как? По волшебству и есть! Порадовавшись приятному бонусу, я слезла с кровати, нацепила чешки и отправилась спасать положение.

По словам призрака, стол, который прочно вогнали в проход, приволокли из лаборатории, расположенной на первом этаже общежития. А мне даже чуть-чуть сдвинуть этого металлического монстра не удалось. Пришлось перелезть через него и, следуя указаниям Антеррана, рысью бежать в кладовку за

инструментами. Откручивая ножки отвёрткой, я невольно порадовалась чёрному маникюру летучей мыши – свои родные ногти я бы все пожертвовала освободительному процессу, а модифицированные магией когти держались стойко и даже не думали ломаться.

Распотрошив стол, я освободила проход и задумалась – а что с этим столом теперь делать? Первой мыслью было оттащить всё к ближайшей стене и собрать заново – пусть участники вчерашнего рейда решат, что проём в стене им только померещился, а стол... ну да, приносили, но вот же он где стоит!

Но, прикинув количество сил и времени, поступила проще – пыхтя протащила останки мебели в тайный ход и прислонила к стеночке, чтобы не мешали. В общем, был стол и нету. Исчез. Всё.

С инструментами хотела поступить аналогичным образом, однако Терри качнул головой и попросил, чтоб вернула. Мотивировал тем, что местный ремонтник имеет изрядную долю гномьей крови и, если не найдёт инструменты, перевернёт всю общагу вверх дном.

Лишние обыски были совершенно ни к чему, и я послушалась. Тенью промчалась до кладовой, а потом открыла дверь и замерла в недоумении.

– Не эта дверь, – подсказал возникший за плечом призрак. – Соседняя.

Ага, дверей было две, совершенно одинаковых и рядом.

– Погоди, – выдохнула я. – А это что?

Чулан, под завязку набитый всякой рухлядью и напоминавший филиал свалки, оказался местом, где хранились забытые студентами вещи.

– Каждый год при выселении из общежития кто-нибудь что-нибудь забывает, – объяснил Терри. – И если вещь хоть сколь-нибудь ценная, то выкидывать нельзя, нужно вернуть. Но так как возможности связаться с каждым нет, мы просто оставляем вещи до востребования.

– И часто «востребывают»? – уточнила я.

Призрак почесал макушку и ответил:

- Ни одного случая за историю.

Ага!

Впрочем, даже имейся такие случаи, я бы на содержимое чулана всё равно покусилась. Просто взгляд выхватил одну вещицу, и в голове моментально сложился план. И чем дальше, тем больше этот план нравился – за несколько секунд, что переговаривалась с Терри, задумка из интересной превратилась в восхитительную!

- Маша, ты что-то задумала? – сообразил наблюдавший за моим лицом ночной смотритель.

- Да! – радостно выпалила я.

Потом открыла соседнюю дверь, бросила инструменты на первую попавшуюся полку и вновь вернулась к чулану с забытыми вещами. Аккуратно вытащила серо-чешуйчатую шкуру неизвестного зверя, которая и привлекла внимание, и, улыбнувшись, поспешила обратно, ко входу в потайной тоннель.

Очутившись на кухне, притормозила...

- Терри, а ты ведь все заклинания видишь? – спросила у призрака.

- Почти, – последовал ответ.

Это было не так хорошо, как хотелось бы, но что делать?

- На холодильнике никаких магических ловушек случайно не появилось? – уточнила с надеждой на лучшее.

Ночной смотритель уставился на шкаф, поразглядывал его некоторое время, потом резюмировал:

– Кажется, нет.

Очень хорошо!

С некоторой опаской я всё-таки сунула нос на полки и довольно быстро отыскала то, что нужно. В действительности заметила эту банку ещё в прошлый раз, а теперь надеялась, что надпись не врёт. На этикетке значилось: «самый вонючий соус в мире!» – да-да, именно так, с восклицательным знаком. Только воровать один лишь соус было нелогично, и...

– Маша, быстрее, – в голосе Терри прозвучали истеричные нотки. – Комендант появился и идёт сюда!

– Бегу, – подскакивая к выставленным на общий стол кастрюлькам-сковородам, откликнулась я.

Успела. Пусть в самый последний момент, когда со стороны коридора уже раздавались шаги, но влетела в потайной ход и закрыла за собой стену. Потом постояла немного – тяжело дыша и прислушиваясь к тому, что происходит снаружи, по ту сторону стены. Всё же хорошо, что защитная магия работала в одностороннем порядке – отсекала звуки на выход из секретных коридоров, а не на вход.

К счастью, ничего криминального или опасного не случилось. Комендант таки пришёл, ничего не заметил, а тут ещё и ночной смотритель к нему выплыл и принялся заговаривать зубы. Слышала я не так отчётливо, но приличный с виду Терри нагло врал про то, что за вчерашний день и сегодняшнюю ночь ничего не произошло.

Потом было возвращение в родимую каморку и сытный завтрак. Правда, котлеты, позаимствованные у кого-то из обитателей общаги, оказались пересоленными, а стыренная каша – подгоревшей, но я всё равно была довольна как слон.

Вернувшийся после общения с комендантом, Терри терпеливо ждал, но стоило закончить с едой, буквально подпрыгнул:

– Маша, что ты придумала?

Глаза призрака блеснули надеждой на обещанную месть, однако прямого отношения к пакостям задумка не имела. Зато должна была принести гигантскую выгоду нам всем. В смысле, мне и призрачному компаньону.

– Нужно найти уединённое, но легко обнаруживаемое место, – вытирая рот украденными на той же кухне салфетками, сказала я.

– Место найдём, – заверил Терри, – но что дальше?

– Будем инсценировать смерть! – оптимистично выпалила я.

* * *

Все же замечательно, что общага, считай, пустовала ввиду каникул и можно было почти спокойно рассекать по ней днём. Ведь из-за работы Терри ночью подстраховать меня было некому, как некому и провести экскурсию по тёмным закоулкам замка.

Подмостки для трагической гибели чешуйчатого монстра выбирали долго. Я забраковывала один закуток за другим: то слишком мрачно, то грязно, то чем-то воняет, то паук в углу страшнющий. Мохнатый такой – конкурент, между прочим, на звание самого-пресамого чудовищного чудища. А нам соперники ни к чему – мы намерены блистать и срывать овалы с визгами в гордом одиночестве. Разыграть эдакий спектакль-монолог, где не последняя роль отведена декорациям и бутафориям.

В итоге остановились на небольшом балкончике, который располагался на самом верхнем этаже. Ну, то есть это был не совсем балкончик – всего лишь огороженная металлическими прутьями площадка запасной лестницы, которой никто не пользовался.

Почти никто. Призрачный компаньон уверил меня, что завтра должен вернуться с каникул некий вампир-полукровка, предпочитающий именно здесь предаваться философским размышлениям, покуривая запрещённую смесь. Обнаружив следы неведомой твари, этот нарушитель правил гарантированно не

пойдёт жаловаться преподавателям, ведь следы от его «травки» не выветриваются несколько часов – и это был дополнительный плюс. Но не главный. Не тот, что делал избранную локацию идеальной.

Справа от двери в коридор на балкончике прятался один из тайных проходов, как раз чтобы оперативно смотаться, а ведущая на чердак вертикальная лестница типа «садовая» натолкнула меня на ещё одну восхитительную идею, ради воплощения которой пришлось лишний раз смотаться на кухню – на сей раз другую. Для конспирации. И в прачечную. Нет, ничего портить, как намеревалась, я пока не стала – всего лишь позаимствовала парочку свежевывстиранных рубашек Карвила. Взяла бы и что-то из шмоток Иллу, но, увы, лопоухий потерпевший в стирку ничего не сдавал.

Создавая неподалёку от чердачного лаза сюрприз для преследователей, я так ухихикалась, что чуть икать не начала. А вот с «трупом» было сложнее – соус оказался не просто гипервонючим, его можно было смело патентовать как химическое оружие. Слезы лились градом, даже несмотря на прикрывавшие глаза очки – убойный дух неведомых специй проникал даже сквозь чешуйки, которые соединяли бывшую солнцезащиту с моей модифицированной физиономией. Зато распростертая на ступеньках серая шкура, щедро вымазанная красно-оранжевой жижей, смотрелась на редкость живописно.

Особенно впечатлял вид сверху – с балкончика. Был монстр, и не стало монстра! Брякнулся через хлипкие, расшатанные перильца и разбился всмятку. Ведь высота пролётов в замке была солидной, да и размещались они, как в парадных питерских старых домов – по три по периметру лестничной клетки. Так что расстояние между местом предполагаемого монстро-суицида и его останками было метров шесть.

Кстати, о «всмятке»! Я снова захихикала, едва только покосившись на приоткрытый лаз в потолке, к которому ну очень прозрачным намёком вели отпечатки, созданные при помощи лап шкурки и обувного крема. Жаль не выйдет оценить мордуленцию Карвила, когда он обнаружит презент, – на чердаке не было ни единого выхода из потайного лабиринта, известного Терри.

Ну да ладно – обойдёмся воображением и пересказом в лицах от компаньона по пакостям, который обещал запомнить и изложить всё в деталях.

Завершающим штришком к натюрморту «чудище в собственном соку» я пихнула в пасть шкуре хвостик от колбасы. Да-да, той самой – карвиловской особой, чей запах этот красноглазый мишка способен учуять за километр.

План был шикарен, великолепен, блистателен. Да что там – гениален!

И мне не терпелось привести его в исполнение. Ожидание, пока объявится любитель запретного курева и обнаружит останки, грозило истрепать мне нервы предвкушением веселья, но не истрепало. Потому как на самый выверенный план всегда найдётся свой форс-мажор. Ну, это у нормальных людей. А в моём случае – целый форс-мажор!

Едва я закончила приготовления к спектаклю, подготовила все декорации и реквизит и собралась уходить в свою нору, как Терри завис на месте, замерцал зациклившейся голограммой, а потом отмер и заявил, что его срочно вызывает комендант. Тут бы мне и заподозрить приближение северного ушастого зверька и нырнуть в тайный ход, отказавшись от запланированного заворачивания на кухню. Но после пересоленных котлет и вонючего соуса, которым я изрядно надышалась, пить хотелось жутко.

В общем, робкий шепоток интуиции начисто заглушили вопли жажды, и я попёрлась добывать чай. И, конечно же, напоролась на собрата песца по ареалу обитания и мохнатости – то бишь на белого мишку. В человеческой ипостаси Карвил пребывал секунды три – стоило лишь оборотню вывернуть из-за угла и узреть мою скромную персону, как глаза его налились кровью, а рубашка, которую он не потрудился снять, затрещала по швам. Созерцать дальнейшие стадии превращения я не стала, попятилась и, уже на бегу разворачиваясь, рванула прочь.

Фора была мизерной – вероятно, ровно на те мгновения, которые потребовались преследователю, чтобы выпутаться из штанов, – а учитывая разницу в скорости... Словом, из моей головы мигом выдуло абсолютно все мысли, кроме одной – как успеть к спасительному ходу, не оставив в зубах разъярённого медведя кусок филейной части.

Я не успела. Ни юркнуть в потайную дверь, которую ещё ведь надо было открыть, ни взмыть на чердак, ни метнуться влево – на лестницу. Огромная мохнатая лапа полоснула меня когтями по заду – оцарапать не оцарапала,

благодаря прочной чешуе, – но разодрала джинсы и придала ускорения, а заодно и направления. Я с визгом кувырнулась через перила и рухнула на встречу со своим фальшивым трупом.

Только и подумала: «Опять?!», – как вдруг поняла, что не падаю, а планирую на призрачных крыльях, распростёршихся под раскинутыми в стороны руками. Такой себе скат, парящий между этажами. Эти прозрачные перепонки выручали меня ещё в горах, но там они просто помогали балансировать, теперь же сработали иначе.

С перепугу во мне проснулись находчивость, ловкость и не знаю что ещё, позволившие моментально сообразить, что делать. Забарахтавшись в воздухе, я заплыла под балкончик и распласталась по потолку, молясь, чтобы внезапная летучесть так же внезапно не испарилась и чтобы не надумал глянуть вверх мишка, резво скатившийся по ступенькам к шкуре и безостановочно чихающий.

Мишка не глянул. Добравшись до распластанного в луже соуса «трупа», споткнулся и замер музейным экспонатом. Застыл, вглядываясь в несчастную шкурку, а спустя миг в наступившей тишине прозвучало новое и невероятно громкое:

– Апчхи, апчхи, апчхи!

Дальше – не менее громкое «Р-р-р!» и новый приступ чихания с одновременной трансформацией обратно в человека. Вскоре вместо белоснежного медведя взгляду предстал рослый плечистый парень. Только теперь он был абсолютно гол.

К счастью, я смотрела на Карвила сверху, поэтому скромность пострадала не сильно. Зато начался мандраж – я находилась слишком близко к источнику опасности и при этом оценить степень собственной маскировки не могла. Пока Карвил стоял и тупил, огляделась в поисках пути отступления, но такого не нашлось, и я мелко задрожала – блин, вот же засада!

Ну, а оборотень, справившись с новым приступом чихания, сунул пальцы в рот и свистнул. Через пару минут к Карвилу присоединились вчерашние сообщники – и рыжий бугай с зоофилическими наклонностями, и тощий брюнет, и лысый коротышка.

– Карвил, что тут... – начал было кто-то из них.

Сказал и был сражен всё тем же вонючим соусом. Наблюдая, как эти обидчики невинных чудовищ чихают, я испытала праведное ликование – так им! Будут знать!

А ещё эта их неспособность справиться с собственными рецепторами давала отличный шанс улизнуть, и я вновь принялась оглядываться, выискивая путь к свободе. Только северный зверёк, посетивший меня сегодня, оказался чуть толще, чем думалось...

– Что у вас происходит? – перекрикивая общий чих, спросил кто-то.

Я взглянула в ту сторону и скривилась – Жёлтая туника, он же Ларрэйн Таольди собственной персоной. Так, а кто это за его спиной маячит? Неужели Капюшон?

Стало грустно – ведь чем больше народа, тем больше риск быть замеченной. А потом я, наоборот, порадовалась и мысленно потёрла ручки – сейчас и эти свою порцию чудодейственного соуса получат! Только субъект в плаще чихать отказался и поступил в высшей степени вероломно – на его ладони вспыхнул мерцающий шарик, а через секунду шкурка оказалась укрыта магическим куполом. Резь в глазах, которая и до меня докатывалась, сразу прошла.

– Фух, – сказал Карвил рокочуще. – Благодарю.

– Что здесь произошло? – спросил Капюшон.

Мишка шумно глотнул чистого воздуха и принялся рассказывать. А я снова пожалела, что листок со списком остался в камере – как только этот медведь недобитый меня ни обзывал!

– И вот иду я, а эта страхочудища навстречу... Глазища – во! Когтища – во! А морда такая мерзкая, такая ехидная, точно гадость замышляет...

Дальше был пересказ наших коротких догонялок и тыкание в распластанную на полу шкуру. И резюме:

– Вот! Оно! То есть она.

Ой, спасибо, что в балкон, с которого я якобы свалилась, не ткнул!

– Мм-м... – глубокомысленно отозвался Капюшон.

Ларрэйн же приблизился к куполу и, присев на корточки, начал разглядывать «кровавую» инсталляцию.

– Я так понимаю, она соус спёрла? – выдал рыжий.

– Да, запах этого соуса ни с чем не спутаешь, – скривился лысый.

– Но зачем он ей понадобился?

Пауза, а потом вывод ушастого:

– Чтобы карвиловскую колбасу доесть. Вон, посмотрите, хвостик из пасти торчит.

Собравшиеся посмотрели. Дружно склонились над «трупом». Потом оборотень некрасиво выругался, не оценив мои вкусы – мол, как можно смешивать такую замечательную колбасу и эту вонючую дрянь?

Висящая под балконом, я не выдержала и показала обратную язык – тоже мне гурман нашёлся.

А в следующий миг прозвучал самый стрёмный из всех вопросов, и задал его лысый:

– Хм... Это точно она?

Неприятно, однако Карвил задумался. По настоящей шкурке сразу побежал холодок – вдруг кто-то из них всё-таки сообразит? Вдруг заметят, что на меня эта инсталляция похожа лишь отдалённо, и догадаются, что вонь соуса призвана скрыть настоящий запах шкуры. Ведь сама-то я ничем не пахну, а этот забытый кем-то охотничий трофей отчётливо пованивает тухлятиной. В смысле,

пованивал, пока соусом не полила.

Пошли тягостные секунды ожидания, в течение которых я успела вспомнить и сегодняшнего песца, и всю свою предыдущую невезучесть. Пока представители наглюченного фэнтези молчали, даже приготовилась к худшему, но...

- Точно, - уверенно заявил Капюшон.

Я аж влюбилась в него! Пусть на миг, но всё-таки.

- Да, она, - а вот в голосе Карвила уверенности было меньше. - Кто же ещё?

Они постояли ещё чуть-чуть, а потом прозвучало:

- Это нужно убрать, пока никто, особенно комендант, не заметил.

Кто сказал - не знаю, но видела, как Ларрэйн кивнул, а на ладони Капюшона материализовался алый шарик. Он небрежным движением послал шарик к куполу, и тот легко проник под мерцающую прозрачную «плёнку», после чего под куполом случился бесшумный взрыв.

Буквально несколько вспышек, а потом - всё. Вспышки исчезли, а на месте, где лежал труп, лишь чёрное пятно осталось. Купол тоже, само собой, исчез.

- Кстати, вы видели, что потайной ход закрылся, и стол, которым мы его блокировали, пропал? - заявил рыжий зоофил внезапно.

Тусовку вновь охватило молчание, и клянусь, о закрывшемся ходе сожалели больше, чем о моей смерти.

- Ничего, - сказал в итоге Карвил. - Мы его снова откроем.

- Может, попробовать спросить у кого-нибудь из преподав? - предложил лысый. - У кого-нибудь, кто полаяльнее?

– Дурак, что ли? – фыркнул мишка. – Если преподавы узнают, то усилят защиту ходов так, что мы никогда больше их не найдём. Вы же понимаете, что система была под носом всё время, а мы не замечали, потому что там особые чары? Так вот я не хочу, чтобы...

Договорить оборотню не удалось. Просто лысый вдруг напрягся и перебил:

– Так! Сюда идут! И, кажется, я узнаю шаги коменданта.

– Хм... – дружно ответили все остальные. Как выяснилось, попадаться на глаза представителю администрации никто не желал.

Это доморощенное «Братство кольца» распалось раньше, чем я моргнуть успела. Очень слаженно, словно всегда так делали, компания разделилась на пары и разбежалась в разных направлениях. Типа, каждый из них в лучшем случае мимо проходил.

Едва студенты покинули место действия, из какого-то хода вынырнул худощавый дядька строгого вида. Рядом с ним плыл Терри.

– А это ещё что? – заметив пятно на полу, хмуро спросил незнакомец.

– Э-э... – отозвался призрак. Завертел головой, а увидав прилипшую к нижней части балкона меня, облегчённо вздохнул.

Я же, наоборот, сжалась, опасаясь взгляда коменданта, но тому пятно было интереснее.

– Та-ак, – протянул он неприятным тоном. – Магию уничтожения применили? Вне тренировочных залов? И кто же посмел?

Терри пожал плечами, показывая, что не знает, а комендант цокнул языком и, поворчав немного, пошёл дальше. Спустя ещё минуту, пространство окончательно опустело, и я тоже выдохнула – фух, пронесло.

Оставалась малость – забраться на балкон и впихнуть свою побитую стрессом тушку в потайной ход, причём прямо сейчас, пока никто другой не припёрся. И

до ночи сидеть, не высовываясь! Ибо уж что-что, а новые неприятности мне не нужны.

Глава 4

Лишь добравшись до убежища, я поняла, насколько перенервничала и устала. Силы покинули разом, словно отхлынула волна. Стоило прилечь на кровать, как глаза закрылись, а рот растянулся в единственном зевке. А потом – всё. Темнота. Провал.

Впрочем, не такая уж темнота – что-то определённо снилось. Какая-то чушь про летающих призраков, бегающих медведей и эльфов, гордо задирающих нос. Ещё в этом калейдоскопе был вонючий и похожий на кровь соус, и балконы в бесчисленном количестве, с парочки из которых я пыталась свалиться, но у меня не получилось. А проснулась оттого, что замёрзла, причём конкретно – дрожала так, что зуб на зуб не попадал.

Сразу зашарила рукой в поисках одеяла, но оно оказалось где-то глубоко подо мною. Пришлось заёрзать и сильно постараться, дабы вытащить, а потом, после того как укуталась, пришло понимание – что-то не то.

Села, нахмурилась и не сразу сообразила – вокруг кромешная тьма, и я ничего не вижу, в смысле ночное зрение не работает. А ещё магические светильники, которыми оснащена каморка, не загораются. Странно. Почему так?

Стоило подумать о светильниках, как те вспыхнули. Только свет получился каким-то совсем уж приглушенным, не таким, как был. Это стало поводом нахмуриться сильнее, а потом...

Всё произошло чисто рефлекторно – я просто подняла руку и стянула с носа тёмные очки.

Я! Сняла! Очки!

Первые несколько секунд тупо пялилась на собственную, такую родную розовато-бежевую ладонку – гладенькую и мягкую. А потом со всех ног бросилась к зеркалу.

Со стеклянной поверхности на меня тарасила припухшие со сна глаза Машка Камышева собственной персоной. Ни чешуи, ни резиновых иголок на макушке, ни даже ногтей и клыков. Впечатление несколько портили улыбка дебилки и некоторая чумазость. А ещё вонь, которую источала сваленная в углу кучка из драной рубашки и джинсов. С исчезновением чар с хозяйки с вещей они, похоже, тоже слетели, и одежда приобрела самый обыденный вид и утратила способность отталкивать посторонние запахи и грязь.

Ох уж этот соус! От его последствий нужно было срочно избавляться, если я не хотела превратить свою каморку в газовую камеру. Оттащить вещи в прачечную? Ага, а там прямо никто не заметит странного фасона и модных разрезов на задней части штанов. Сразу выбросить? И возвращаться домой в велосипедках типа «павиан»? Плохая идея.

Можно ведь и руками постирать. Да и самой помыться. Тем более что кожа зудит и чешется, а волосы просто вопят, что их давно нормально не мыли. Ванну мне! Срочно! Или хотя бы душ.

Я подхватила с тумбочки часы и уставилась на циферблат – два часа ночи. Значит, рассчитывать на компанию Терри не приходилось. Призрак был занят своими рабочими обязанностями и сопровождать меня не мог. Сперва я честно решила побыть умницей и дожждаться утра, но последствия общения с соусом ощущались даже после того, как я вынесла одёжки в коридор. Им пропахли кожа, ночнушка и простыни. А ещё, как назло, недовольно забурчал давно не кормленный желудок, и я решилась. Прихватив халат и полотенце – всё из бездонных институтских кладовых, – отправилась в уже знакомый санузел.

Вояж прошёл на удивление спокойно, и я – наивная – подумала, что способность влипнуть в неприятности отвалилась вместе с чешуёй. Поэтому, вернувшись в убежище и развесив на ножках от лабораторного стола мокрые вещи, попёрлась за провиантом по уже не раз пройденному маршруту.

С тоской посмотрела на холодильник, но лезть в него не рискнула, резонно предполагая, что вместе с серостью с меня сползла и безликость ауры. Да и руки

отчётливо благоухали жасминовым мылом. Пришлось ограничиться тем, что громоздилось на столах и плитах, и надеяться, что на кастрюльку с кашей никто не навесил охранных заклинаний.

Как пользоваться местной системой нагрева, Терри мне, по счастью, объяснил, кружка, то есть фляжка-термос, у меня была своя, оставалось дожидаться, пока вода закипит, позаимствовать немного общественной заварки из большой банки на подоконнике и по-тихому смыться.

Ага, размечталась! Слинять, да ещё без палева, с этой проклятой кухни!

Я совершенно не учла, что слух стал таким же слабым, человеческим, как был до трансформации в летучую мышь. Так что песец подкрался незаметно в самом прямом смысле этого слова.

Стою я, значит, вся такая красивая – в чешках, халате и тюрбане из полотенца. Флегматично жую пересоленную котлету, созерцаю ночной пейзаж за окном – а то всё как-то недосуг было на окрестности поглядеть. И тут рядом с моим отражением на стекле появляется ещё одно, вокруг талии обвивается чья-то наглая лапа, а в ухо томно мурлыкают:

– И чья же это крошка бродит по нашему этажу? И кто же это правила нарушает?

Как не подавилась, не знаю, зато голос опознала сразу, но чтобы убедиться, подняла свободную руку, завела её назад и пощупала. Так и есть – длинное ухо детектед. Та-а-ак, только без паники!

– Ларрэйн? – прозвучало вполне нейтрально, лишь с самой чуточкой раздражения.

– Мы знакомы? – желторубашечник умело крутанул меня и, обхватив уже обеими лапищами, принялся изучать намытую до блеска физиономию.

Рубашки или туники, кстати, на нём не было – не только жёлтой, а вообще никакой. Только оранжевые пижамные штаны, тапки и голый торс. Ничего такой – рельефный, но несколько недокормленный. Интересно, а алые шаровары у

ушастика тоже есть?

– А ты не помнишь? – обиженным тоном протянула я и усиленно захлопала ресницами, отчаянно жалея об отсутствии тройного слоя какого-нибудь мэйбилина.

– А должен? – мигом насторожился парень, ослабив захват моей талии.

– Ну как же, – главное не заржать, – та вечеринка... три месяца назад. – За округлившимися глазами эльфа отчётливо просматривалось лихорадочное копание в памяти. – В общем, Ларн, через полгода ты станешь папой, – заявила я, скромно потупившись.

– Чего? – взвыл эльф, отшатнувшись и выпустив меня из рук.

– Вот видишь, уже на солёненькое тянет. – Я ловко пихнула в рот будущему папаше остаток котлеты. – Ананас принёс? А клубнику?

Ушастик пятился, выпучив глаза, отрицательно мотая головой и машинально пережёвывая подсунутый продукт, а я наступала, старательно сохраняя серьёзное выражение лица.

– Что, даже апельсина нету?

– Э-э-э... – промямлил парень растерянно.

Этой перепуганной мордашкой можно было любоваться до бесконечности, но тут зашипел вскипевший чайник, и веселье пришлось сворачивать.

– Да ладно, расслабься, – похлопала я ушастого по плечу, – не твой это ребёнок!

Парень выдохнул и взглянул более осмысленно, проглотил пережёванное и вдруг выдал глубокомысленно:

– Такую пакость только Риз готовит. – И озарённо-возмущённо воскликнул: – Так ты к нему пришла?! Он же лысый! – С этими словами Ларрэйн эффектным жестом поправил собственную шевелюру, как в рекламе какого-нибудь шампуня.

С трудом сдержав смешок, я пожала плечами и, заявив, что любовь зла, пошагала заваривать чай.

– И страшный, – следуя за мной по пятам, продолжал разоряться ушастик. – И учится плохо.

– Зато сильный!

– Кто-о-о? Этот недоросток?

Ой, так это Ларрэйн сейчас про того полутораметрового придурка, который превращается в огромного волка? Ну у меня и вкус!

– Он милый и заботливый, – огрызнулась я на автопилоте, лихорадочно соображая, как бы избавиться от говорливого типа. Ведь не лезть же при нём в тайный ход. – И не эльф! – припечатала оппонента финальным аккордом.

– Ты что-то имеешь против эльфов? – предсказуемо взвился Ларн. – Да мы самый мудрый, самый древний, самый великий, самый...

– Длинноухий, – услужливо подсказала я недостающий эпитет. – Хлипкие вы какие-то, ненадёжные, – с деланным огорчением развила тему, заходя за спину обиженно сопящего парня.

Он был так раздосадован, что даже не подумал обернуться, за что и поплатился, когда мгновение спустя его голова состыковалась с разделочной доской.

Насчёт хлипкости я не ошиблась. Вроде ударила несильно, а Ларрэйн сразу свалился. Охнул, обмяк и начал оседать на пол – еле-еле успела подхватить.

Зато эльфийское изящество оказалось фикцией – выглядел парень худым, а весил не меньше откормленного бегемота. В результате я завалилась вместе с объектом спасения. В смысле, нападения. Короче, не важно! Главное, я больно приложилась попой о пол, а самое паршивое – оказалась под ним. В смысле, под тем, кого пыталась подхватить.

Следующие несколько минут прошли в попытке освободиться. Я пыхтела и тихонечко материлась, выползая из-под такой неподъёмной туши. А когда справилась и, отряхнувшись, шагнула к свистящему чайнику, из коридора донеслось:

– Эй! Таольди, ты здесь?

Голос был знаком, и я чуть не взвыла – вот что, спрашивается, за свинство? Мне уже и чаю заварить нельзя без столкновения с кем-нибудь из них?

Из неприятного – сюда топал Иллу. А из хорошего – процесс перемещения сопровождался звуком, сильно похожим на грохот костылей, что, конечно, удивило – при чём тут костыли, если «панда» ломал только руки и рёбра? Но ответ нашёлся почти сразу...

– Ларн, представляешь, кокон, наложенный целителем, дал трещину, и я снова могу ходить!

Воображение живо нарисовало картинку частично обездвиженного, но упрямо шагающего длинноухого. В моей фантазии одна его нога была обычной, а вторая костяной.

Только проверять версию я не стала – быстренько налила кипяток во фляжку, ещё быстрее добежала до нужной стены и, нажав на потайной кирпич, смылась. Ушла чисто – в смысле, до того, как Иллу добрался до кухни и, демонстрируя свой высочайший IQ, выдал:

– Эй, Ларн, ты чего тут разлёгся? Другого места не нашёл?

Конечно, дико хотелось остаться и послушать, чем всё продолжится, но такой роскоши я себе не позволила. Ведь это раньше, пока действовало заклятие, у меня не было ни запаха, ни ауры, а что теперь? Логика шептала, что всё вернулось, и хотя мои знания о магии болтались где-то на отметке нуля, я понимала – ауру можно засечь, невзирая на стену и защитную магию ходов.

А если на крики Иллу прибегут оборотни? Вон как Карвил колбасу свою чуял!

Вновь оказавшись в камерке, я переоделась в запасную рубашку и велосипедки, уселась на кровать, завернулась в одеяло и отдалась блаженству – питию чая. Сидела, тянула горячий напиток и жмурилась, радуясь тому, что шипы вместо волос и прочая чешуя позади.

Гитара, кстати, тоже расколдовалась, и осмотр показал, что с инструментом всё в порядке. Когда чай закончился, я, поёрзав, решила проверить ещё и звучание. Тихо-тихо, чтобы никакая фэнтезийная зараза не услышала, подёргала за струны, а потом не выдержала и пропела:

– Я люблю тебя, жизнь, что само по себе и не ново...

Я люблю тебя, жизнь, только ты меня снова и сно...

Осеклась, осознав, что пою что-то не то, и пробормотала несколько нецензурных слов в адрес тех, кто довёл меня до такого состояния. Всё-таки эльфы, оборотни и прочие Шерриведские Институты – это неправильно. Не нравятся они мне, не люблю я их.

А вот ректора, с которым обещал познакомить Терри, наоборот, люблю – авансом. А если он ещё сумеет вернуть домой в оперативном порядке, то я его вообще расцелую. Там же родители, начало нового учебного года и Филька, который сходит с ума от беспокойства...

Вспомнив о наглой полосатой морде, я погрустнела и отставила гитару в угол. Потянулась, разминая затекшие косточки, потом зевнула и улеглась в кровать. Думала, что уснуть в ближайшие пару часов не смогу, но организм решил иначе, и я отключилась практически сразу. На место грусти снова пришла радость – срок действия заклятия закончился. Ура.

* * *

Утро встретило меня укоризненным «Маша-Маша!». Спросенок даже показалось, что это мама бурчит над ухом, сетуя, что нерадивая дочурка опять не желает вставать, но, увы. Не мама, а Антерран Пьерри, собственной призрачной персоной. Причём глядел ночной смотритель так, будто я что-то натворила, и с возвращением человеческого облика поздравлять не спешил.

Ах да... Я же оглушила Ларна разделочной доской, а чешую с когтями компаньон всё равно не видел.

- Маша-Маша, - качнув головой, повторил свой укор призрак.

Я робко улыбнулась, приподнимаясь на локтях, и ответила:

- Привет.

Антерран мой оптимизм не поддержал и, сложив руки на груди, заявил:

- Когда мы обсуждали договор, подразумевалось, что месть будет изящной, а ты что делаешь? Это ведь ты Таольди огрела?

- Я. Но он сам виноват - нечего было лапы распускать!

- Он к тебе приставал? - изумился Терри. Он недоверчиво покачал головой, словно я была последней уродиной на планете, и продолжил разъяснительную работу: - Прямое нападение на студентов, находящихся в учебном заведении, считается серьёзным преступлением и карается по всей строгости закона.

Приехали.

- А когда студенты вне заведения?

- Тоже карается, но менее сурово. Просто пока они здесь, то официально находятся под защитой короля и магического ковена.

Замечательно. Нужно будет учесть.

Антерран замолчал и насупился, только я извиняться не спешила. Нет, какое-то шевеление совести почувствовала, но, с другой стороны, а как я должна была поступить?

- Я сержусь не из-за того, что ты ударила студента Таольди, - после долгого молчания вздохнул призрак. - А из-за того, что ты снова попалась. Маша,

обязательно было покидать тайные ходы? Неужели ты не могла потерпеть?

Я отрицательно мотнула головой.

– Не могла. Серьёзно. Колдовство исчезло, и мне было необходимо вымыться. И одежду застирать, и пить хотелось жутко.

– Исчезло, говоришь? – недоверчиво переспросил компаньон и, прищурившись, проехался по мне изучающим взглядом. – А я-то всё понять не мог, почему в нападении обвиняют девушку, а не чудовище. И если бы ты не была единственной особью женского пола на вверенной мне территории, никогда бы не догадался, что речь о тебе.

– Единственной?

– Это мужское общежитие, Маша, – напомнил призрак. И укоряюще продолжил: – Пока ты тут спала, они все чуть не передрались.

– Кто «они»?

– Эльфы с оборотнями, конечно, – ответил Терри, и хотя лицо было скорбным, в голосе прозвучали нотки удовольствия.

Я нахмурилась, не понимая, и ночной смотритель объяснил:

– Девушка Риза напала на Ларрэйна, причинив тому физическое увечье. Ларн предъявил претензию, а Риз и все его друзья возмутились, потому что девушки у Риза вообще нет и тем более её нет здесь. Следовательно, обвинение – клевета. С другой стороны, пропали котлеты, и так как от Ларна пахло именно ими, а на его штанах было обнаружено жирное пятно, то эльфу предъявили обвинение в краже. Ларрэйн, само собой, отпирался. Ещё ему хватило ума заявить, что он такую гадость даже под страхом голодной смерти есть бы не стал.

Терри замолчал, а я представила всю эту картину в лицах и начала хихикать. Эх, жаль, что пропустила!

– А что за увечье?

– У Ларна на затылке теперь очень большая шишка, – пояснил Терри. – Эльф утверждает, что шишка сильно болит.

Конечно, грешно смеяться над такими вещами, но я улыбнулась. И тут же услышала:

– Ничего весёлого, Маша. Они ругались так, что чуть до коменданта не дошло. А если господин Ниэль прознает о нападениях и кражах, то начнёт расследование, которое никому не нужно. Поэтому умоляю тебя, сиди потише.

– Поттише? – Я фыркнула.

Ведь сам же начал с того, что у нас договор, по которому, кстати, я обязана портить жизнь местным обитателям, а теперь...

– Мы заключили договор, – напомнила уже вслух.

– Да, – отозвался Терри, – но...

Внятного ответа у ночного зрителя не нашлось, и он замолчал, надувшись. Я же просияла радостной улыбкой и отбросила одеяло, чтобы встать. Спустила на пол одну ногу, потом вторую, и лишь теперь поняла, что огни освещения не зажглись, а я, тем не менее, всё вижу.

Я? Вижу? Так, подождите. Стоп, стоп!

Прикосновение к лицу, и радость от маленькой победы над эльфо-оборотнями как волной смыло. Я взвилась на ноги, ощупала лицо ещё раз и лишь чудом умудрилась не заорать.

Взгляд на вытянутую руку, и снова тишина, но губу я прикусила, кажется, до крови. Замерла, пытаюсь справиться с шоком, а когда первые эмоции отступили, выдохнула жалобно:

– Опять?!

Вот теперь магическое освещение заработало, озарило каморку мягким светом, давая лишнюю возможность убедиться. Мои руки вновь были покрыты чешуёй и увенчаны острыми когтями, ноги тоже стали чешуйчатыми, а лицо...

- Что опять, Маша? - забеспокоился призрак.

- Я опять чудовище! - Мне очень хотелось зарыдать. Устроить самую настоящую истерику с подвываниями - благо даже сочувствующий зритель имелся. Не очень, кстати говоря, удивлённый моим заявлением. Словно чего-то такого и ожидал.

Нет, к зеркалу я не пошла, и так зная, что именно там увижу. Но самое мерзкое - очки, которые вчера сняла и отложила подальше, были на месте. В смысле, вернулись! И опять приросли к коже, прочно закрывая глаза.

Лучше бы я их вчера разбила! Хотя...

Неизвестно ещё, как бы смотрелась модифицированная физиономия с обыкновенными человеческими зенками. Да и вероятную уязвимость глаз следовало принять в расчёт - ведь прочность серой шкурки уже неоднократно попробовали и на клык, и на коготь. Ночное зрение опять же. Так что, если уж бродить неведомой зверушкой по полной агрессивных элементов общаге, то лучше в очках. А если ещё раз подумать, то в натуральном виде вообще не стоит отсвечивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/zimnyaya_anna/raskolduyte-eto-nemedlenno

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)